

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи УДК

Олимзода Парвина

**СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКО-
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность:

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Научный руководитель:

Проф., д.ф.н. Т.А. Бушуй

Самарканд – 2017

Аннотация

Описываются на материале английского языка общие принципы интерпретации лексико-фразеологического содержания словосочетания на основе таких категорий, как коннотативность, клишированность, социолингвистическая обусловленность и концептуальность

Annotatsiya

So'z birikmalarning leksik-frazeologik mazmunini izohlashning umumiy tamoyillari konnotativlik, bir qolipdagi gaplar ko'rinishida, sotsiolingvistik shartlanganlik va kontseptuallik kabi kategoriyalar asosida ingliz tili materiallariga tayanib ifodalanadi

Annotation

General principles of interpretation of the lexical-phraseological content of a word combination on the basis of such categories as connotation, clichés, sociolinguistic dependency and conceptualization are described on the materials of English language

Содержание

Введение	4
Глава 1. Семантико-структурные основы лексико-фразеологического изучения фразеологии	12
1.1. Подход к словосочетанию с позиций синтаксиса языка и речи	12
1.1.1. Язык и речь	12
1.1.2. Соотнесённость словосочетания и предложения	13
1.1.3. Предикативные / непредикативные сочетания	15
1.1.4. Предложные сочетания	18
1.2. Лексико-фразеологическая воспроизводимость синтаксических конструкций	33
1.3. Индивидуальная выразительность лексико-фразеологического содержания словосочетания	35
1.4. Основные фразеологические категории применительно к словосочетанию	39
1.4.1. Категория коннотативности / неконнотативности	39
1.4.2. Категория клишированности	42
1.4.3. Идиоматичности	44
1.4.4. Категория концептуальной полноценности	46
1.4.5. Категория социолингвистической обусловленности	50
Выводы по 1-ой главе	52
Глава 2. Параметры определения фразеологизированного словосочетания	54
2.1. Просодическое оформление словосочетания подверженное фразеологизации	54
2.2. Учёт коннотации фразеологизированного словосочетания при просодико-ритмическом анализе	56
2.3. Внутренняя форма фразеологизированного словосочетания	59
2.4. Номинация фразеологизированного словосочетания	62
Выводы по 2-ой главе	71
Глава 3. Взаимодействие фразеологических категорий в словосочетании	73
3.1. Коннотативность и клишированность во фразеологизации словосочетания	73
3.2. Социолингвистическая обусловленность во фразеологизации словосочетания	76
3.3. Концептуальность фразеологизированного словосочетания	79
Выводы по 3-ей главе	87
Заключение	89
Список использованной литературы	95

Введение

Обоснование темы магистерской диссертации и её актуальность

Исследование словосочетаний современного английского языка требует прежде всего уточнения самого термина.

В данной работе принята точка зрения, согласно которой в учение о словосочетании включаются все те словесные группы, состав и аранжировка элементов в которых не произвольны, а обусловлены строгими и постоянными языковыми законами независимо от типа синтаксических отношений между элементами.

Таким образом, учение о словосочетании исследует не только подчинительные, но и сочинительные группы и группы, традиционно именуемые предикативными, а также предложные образования.

Подобная трактовка словосочетаний не беспрецедентна, а была широко распространена среди языковедов лингвистической школы до 50-х годов XX века и пользуется большой популярностью за рубежом. Поэтому любая свободная грамматически организованная группа, рассматриваемая с точки зрения комбинаторики классов или подклассов слов, их форм, а также расстановки по отношению друг к другу, в настоящей работе трактуется как словосочетание.

При этом целесообразно использовать принцип лексико-фразеологической характеристики словосочетания по таксономии [от греч. taxis – расположение, строй, порядок и νόμος – закон]. Это теория классификации и систематизации фразеологизированных [идиоматизированных] конструкций, имеющих словосочетательное иерархическое строение.

Вопрос о месте словосочетания в системе синтаксиса неоднократно рассматривался различными исследователями. Так, в основу концепции Л.С. Бархударова [14], В.М. Жирмунского [34], А.И. Смирницкого [58] было положено опирающееся на логику представление о синтаксисе как о теории предложения. Точка зрения Ф. Ф. Фортунатова [66] и др. заключалась в

понимании предложения лишь как разновидности словосочетания. В соответствии с этим, функциональное различие между синтаксическими категориями словосочетания и предложения стиралось, в результате чего последнее получало определение «законченного словосочетания».

В XX веке в связи с развитием синтагматики были предприняты попытки [прежде всего в трудах В.Н. Ярцевой (70-76)] построить новую теорию синтаксиса путем объединения учения о предложении и учения о словосочетании. Однако специфические особенности словосочетания, связанные с его промежуточным положением между словом и предложением, нашли наиболее полное описание и теоретическое обоснование в трудах академика В. В. Виноградова [24]. Им был сформулирован вывод о необходимости различать предикативные синтаксические отношения, которые осуществляются лишь в составе предложения, и отношения непредикативные, свойственные словосочетанию, «представляющему собой лишь потенциальный материал для строительства предложений» [24, 20]. Таким образом, предложение как основная коммуникативная единица характеризуется наличием предикации, т.е. выражением отношения к действительности высказывания в целом. Как подлинные произведения речи, предложения являются также комплексными интонационными единицами, обладающими двухлинейностью, которая проявляется в «наличии у них, помимо определенного звукового состава, также и известного интонационного образца» [78]. Именно эта концепция, не допускающая смешения предложения и словосочетания, является основной в вопросе об учении о сочетании слов как неотъемлемом разделе синтаксиса: «выделяясь на основе предложения, словосочетания, вместе с тем, служат тем материалом, из которого строятся предложения» [98].

Учению о словосочетании в языкознании придается очень большое значение. Как отмечал В. В. Виноградов, «важность изучения словосочетаний как строительного материала для предложения несомненна. В правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и

типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка» [24, 10]. В трудах А. И. Смирницкого также содержатся указания на то, что свойственные данному языку словосочетания выступают как номинативные единицы, имеющие нормативный характер, «независимо от того, включены они в предложения или нет» [58, 110].

Было установлено, что реальные произведения речи на естественном человеческом языке могут быть настолько различны по своему содержанию при формальном тождестве их синтаксического построения, что сугубо грамматического рассмотрения явно недостаточно для раскрытия их сущности.

Объект и предмет исследования

В данной работе мы, с одной стороны, обращаемся к уже разработанным в языкознании приемам анализа единиц на уровне словосочетания, а с другой – путем приведения в систему существующих критериев, а также выделения новых противопоставлений, пытаемся разработать более четкую методологию и методику того, что в настоящей работе было обозначено термином «коллокация», т.е. лексико-фразеологическая обусловленность функционирования лингвистических [словосочетаний] единиц в том или ином речевом произведении.

Анализ словосочетаний на уровне фразеологических категорий осуществляется с помощью параметров (или критериев), позволяющих установить, в какой степени данное конкретное словосочетание наделено теми или иными общими свойствами.

Цели исследования

В пределах одной и той же морфосинтаксической структуры могут существовать образования совершенно различные с точки зрения их лексико-фразеологических свойств.

Ставится задача обосновать невозможность дальнейшей разработки теории «малого синтаксиса» без существенного уточнения методов лексико-

фразеологического анализа. Стало совершенно ясным, что все многообразие реальных произведений речи можно объяснить, лишь обратившись к детальному рассмотрению различных словосочетаний не только с точки зрения коллигации, но и в плане коллокационном.

В центре внимания ставится не структура, не формальное построение, а конкретное содержание высказываний, которое, может быть весьма разнообразным.

В основу исследования берётся утверждение о том, что язык существует не как замкнутая система, а определяется во всех своих реализациях экстралингвистической реальностью, «как физически, непосредственно данной в чувственном опыте, так и социальной, обусловленной культурно-историческими связями, отношениями и далее – взглядами, этакой и т.д. данной социальной среды» [64, 12]. Обосновывается необходимость при рассмотрении различных словосочетаний принимать во внимание самые разнообразные факторы – такие, как лексико-фразеологическая сочетаемость слов, понятийная сочетаемость, экстралингвистическая обусловленность языковых единиц – а не только особенности морфосинтаксического построения.

При рассмотрении словосочетаний необходимо прежде всего различать два уровня лингвистического исследования – семантический и метасемиотический.

Задачи исследования, которые предполагается обосновать при защите, сводятся к следующим базовым обобщениям.

Основным параметром категории коннотативности служит просодическое оформление словосочетания, позволяющее объективно установить наличие или отсутствие коннотаций.

Сложность метасемиотических словосочетаний, насыщенность их коннотациями требует соответствующего просодического построения с тем, чтобы их метасодержание приобрело адекватное выражение на уровне звучащей речи.

Единицы «малого синтаксиса» на семантическом и метасемиотическом уровнях получают соответствующее просодическое оформление, которое выражается в том, что семантические словосочетания являются просодически немаркированными частями высказывания, не нарушающими общего интонационного контура, в то время как метасемиотические образования выделяются различными просодическими средствами.

Онтология текста раскрывается полностью только тогда, когда имеется возможность проследить развитие его действительного и потенциального содержания на уровне звучащей речи.

Внутренние формы словосочетания, не только отражает отношения действительности, но и дает их оценку. Поэтому внутренние формы словосочетаний глубоко специфичны, индивидуальны, социально изменчивы и могут быть поняты только исходя из закономерностей развития семантической системы языка в целом.

Параметрами категории клишированности служат параметр неидиоматической глобальности, т.е. направленности словосочетания в целом на объект, связанной с его способностью выступать в номинативной функции, и параметр употребительности – статистически определяемой встречаемости.

Клишированность и идиоматичность находятся в тесной взаимосвязи: они могут одновременно реализовываться в словосочетаниях либо в своем маркированном, либо в своем немаркированном варианте. При наложении на категорию клишированности категории идиоматичности выделение последней производится с помощью параметра идиоматической глобальности, т.е. невыводимости значения целого из значений частей.

Теоретическое значение исследования

Устанавливается, что при выражении субъективно-эмоциональной характеристики возникает большая возможность метасемиотического осложнения словосочетания, чем при объективном определении качества.

В то же время эмоциональные усилители имеют тенденцию к быстрому стиранию их ингерентной коннотации и превращению в клишированные единицы. Причина этого явления заключается в том, что усилители субъективной характеристики как часть эмоциональной лексики языка подвержены частым изменениям, переходам с одной ступени метасемиотической «емкости» на другую в зависимости от изменения их социальной значимости, их толкования и понимания в различных контекстах.

Усилителям субъективно-эмоциональной оценки свойственно противопоставление по линии выражения положительной и отрицательной характеристики. В связи с этим интересно проследить особенности лексико-фразеологической сочетаемости таких усилителей, а также закономерности, тенденции их развития, обусловленные стиранием присущих им положительных и отрицательных коннотаций [положительных или отрицательных].

Углубленный анализ специфических особенностей различных словосочетаний позволяет сделать вывод о том, что его методика должна строиться не на автоматическом сопоставлении конкретных речупотреблений и выделенных фразеологических категорий, а на детальном, по возможности более полном рассмотрении каждого случая в соответствии с поставленными целями и задачами. При этом необходимо иметь в виду, что данные таксономии, отвлеченные от реальной действительности речи, имеют вполне определенное практическое значение.

Практическая значимость исследования

Последовательный просодический анализ различных словосочетаний позволяет сделать выводы, отражающие динамичную картину реального речупотребления. Так, например, становится очевидным, что особенности семантики словосочетания, тонкости его употребления в различных контекстах могут вызывать значительные изменения в его просодической

организации, что, в частности, предполагает использование говорящим более выразительных и эмоциональных интонационных моделей.

Просодический анализ позволяет сформулировать целый ряд положений, имеющих большое значение при выяснении картины реального речеупотребления лингвистических единиц.

В практике преподавания английского языка необходимо реализовать следующую рекомендацию: Параметрами категории концептуальной полноценности являются: 1) соответствие содержания, действительно выражаемого данной лингвистической единицей, некоторому логически мыслимому содержанию и 2) соответствие данного концептуально-логического содержания экстралингвистической ситуации.

Характеристика методики, применённой в исследовании

Синтаксис – наука о построении речи – опирается на единство коллигации и коллокации.

Это положение имело большое методологическое значение, поскольку оно позволило вскрыть несостоятельность различных формалистических теорий, ограничивающихся лишь абстрактно-логической стороной речевых произведений. Важнейшим выводом явилось утверждение о том, что в рамках той или иной синтаксической связи (предикативной, комплетивной или атрибутивной) происходит взаимодействие элементов коллигации и коллокации, в результате чего различные в лексико-фразеологическом плане словосочетания часто оказываются объединенными общностью морфосинтаксического построения.

Диалектическая взаимосвязь коллигации и коллокации может быть, в частности, проиллюстрирована на примере словосочетаний *to smile ironically* и *to smile whitely*, реализующих характерное для английского языка противопоставление форм с нулевой морфемой и морфемой *-ly*, которое служит оформлению соответственно именных и глагольных групп слов: *ironical smile – to smile ironically*. Эти образования обусловлены

экстралингвистической реальностью и правилами лексической сочетаемости в данном языке: признак, выраженный адъективной основой, непосредственно соотносится с определяемым предметом – существительным – в первом случае и с действием – глаголом – во втором, приобретая при этом морфему -ly. Сочетание to smile whitely в “He smiled whitely”, например, представляет собой случай метасемиотической транспозиции слова на -ly, когда обозначаемый им признак явно характеризуется лексико-семантической связью с действующим лицом (грамматическим подлежащим предложения).

Структура магистерской диссертации

Исследование состоит из Введения, 3-х глав, Заключения и Списка использованной литературы

Глава 1

Семантико-структурные основы лексико-фразеологического изучения фразеологии

1.1. *Подход к словосочетанию с позиции синтаксиса языка и речи*

1.1.1. *Язык и речь*

Разграничение языка и речи, ставшее общепринятым с появлением труда Фердинанда де Соссюра [60, 37], получило, как известно, дальнейшее многообразное развитие в работах целого ряда лингвистов [40, 59; 41, 6-8; 48, 31-32; 49, 26-29; 58 и др.].

Существующие точки зрения на проблему разграничения языка и речи столь многочисленны и противоречивы, что их трудно не только изложить, но и перечислить [42; 96; 98; 100 и сл.]. Все же, вероятно, не будет ошибочным утверждение, что основа всех этих интерпретаций однотипна и что различия касаются главным образом разработки деталей, а в ряде случаев оказываются чисто терминологическими [61].

Так, даже классификация О. Есперсена [31, 264-380], различающая схему – норму – узус, в конечном счёте сохраняет противопоставление языка и речи.

Аналогичное толкование этого явления наблюдается и у представителей других лингвистических направлений. Это сопоставление интерпретации фактов в виде научного анализа, абстракций, с одной стороны, с «определённым объектом этого анализа» – с другой, что повторяет противопоставление языка и речи [92, 317-324].

В. Г. Адмони считает, что все типы синтагматических построений, включая ритмико-интонационные схемы, несмотря на то, что «синтагматические структуры даны всегда в речи», существуют как модели в языке: язык выступает как потенции, а речь как реализации этих потенций [2, 33-34].

Речь, по определению С. Д. Кацнельсона, есть «процесс (или результат процесса) выражения мысли средствами языка» [42, 96].

Суммируя все эти высказывания, можно сказать, что язык есть инвентарь речи, т. е. набор лексических единиц и грамматических закономерностей, дающих возможность структурно организовать языковые единицы для их реализации в акте речи. Этот факт дает право утверждать, что учение о сочетаемости слов относится к сфере языка, так как установление закономерностей комбинаторики группирующихся форм и организация слов в определенные группы со всем многообразием возможных отношений между элементами, полностью относится к сфере языка и реализуется в речи только в предложении при его актуализации.

1.1.2. Соотнесённость словосочетания и предложения

В связи с этим, естественно, возникает вопрос о соотнесенности предложения и словосочетания.

Последние десятилетия вопрос соотношения предложения и словосочетания неоднократно привлекал внимание отечественных лингвистов. В подавляющем большинстве работ эта проблема решалась признанием коренного различия двух рассматриваемых единиц [1, 111-117; 3, 111-119; 10, 452; 50 и сл.; 18, 8 и сл.; 24; 30, 11 и сл.; 70; 77; 100; 101, 29-30]. Несмотря на бесспорную доказательность аргументов, приводимых в пользу разграничения словосочетания и предложения, не все до конца ясно в упомянутых работах, так как в них как бы ставится знак равенства между предикативным сочетанием, т. е. сочетанием подлежащего и сказуемого, и предложением.

Сторонники классификации предикативных образований как особого типа словосочетаний оказались в меньшинстве [49, 17-18; 95, 147].

Вследствие отказа от разграничения предикативных сочетаний как определенным образом сгруппированных единиц и предложений как единиц коммуникации критика часто относилась не к сущности проблемы, а

касались употребленных терминов, ибо весьма часто у разных авторов одно название объединяло различные понятия [13, 10; 14, 66-67].

Общеизвестно, что хотя до сих пор предложение не получило точного лингвистического определения, все же существует полный набор признаков, позволяющий лингвистам безошибочно ориентироваться в языковом материале при идентификации предложений для нужных им целей. Следует подчеркнуть, что в результате различных задач, стоящих перед исследователями, идентификация этой лингвистической единицы обычно страдает отсутствием одинакового охвата признаков и характеризуется различием в уровнях исследовательского подхода.

Действительно, термин «предложение» употребляется по меньшей мере двупланово: им обозначают, во-первых, единицы языка и, во-вторых, единицы речи. И в том и в другом случае оно не равно предикативному сочетанию, характеризующемуся только грамматически оформленными отношениями между подлежащим и сказуемым в чисто линейном аспекте, т. е. без включения супraseгментных элементов.

Как указывает В. Н. Ярцева, «в последнее время все чаще решают в пользу включения моделей предложения в состав единиц языка» [76, 166]. Однако следует учитывать, что как единица языка предложение представлено набором моделей, состоящих не только из структурных схем организации составляющих, но и модели распределения супraseгментных элементов, т. е. это то, что называется «клише-предложение» [85, 160]. Реализация этих клише в речи приводит к актуализации индивидуального конкретного предложения, вследствие чего возникает именно то, что является «собственно предложением». Намеренное или случайное пренебрежение этим фактом создает серьезные трудности в трактовке этой проблемы. Так, например, А. Gardiner [87] считает предложение единицей речи. Однако, как отмечает Н.А. Gleason [65, 236], подобная оценка оказывается для него возможной потому, что он рассматривает только

индивидуальное высказывание, т. е. актуализированную модель, и в силу этого, естественно, выводит предложение из сферы языка.

Таким образом, в этих работах «предложениями» и «законченными словосочетаниями» называются даже не языковые модели предложений, так как последние предполагают включение закономерностей распределения супraseгментных элементов, а просто линейная организация схемы предикативных сочетаний. В силу этого основное возражение современных лингвистов против включения предикативных сочетаний в сферу изучения словосочетания отпадает.

1.1.3. Предикативные / непредикативные сочетания

Опасение, что параллельное изучение предикативных и непредикативных сочетаний может привести к смешению предложения и словосочетания, оказывается лишены основания, так как предикативное сочетание не тождественно предложению, а является только схемой модели предложения, который нуждается в значительном пополнении, чтобы стать собственно предложением.

Другими словами, предикативное сочетание отличается от предложения тем, что не имеет соответствующего интонационного оформления и лишено коммуникативной направленности. Только при наличии этих отличительных свойств предикативное сочетание может преобразиться в предложение. Сама предикативная структура, взятая вне супraseгментных элементов и не имеющая коммуникативной нагрузки, является статическим, т.е. языковым, инвентарем.

Так, например, противопоставление *the girl runs* и *the girls run* является ни чем более, как сопоставлением структурных схем определенных форм группирующихся единиц, благодаря которому можно установить, что единственное число имени существительного образует сочетание с глаголом, имеющим окончание *-s*, а появление окончания *-s* у имени существительного

влечет за собой исчезновение этого окончания у сочетающегося с ним глагола.

Из этого следует, что рассмотрение предикативных сочетаний на уровне словосочетания никак не грозит «смешению предложения и словосочетания», ибо исследуемые структуры анализируются совершенно под другим углом зрения (аналогично и в сочетаниях *I am, he is, you are*, где на уровне словосочетания устанавливаются только формы и взаимное расположение комбинирующихся единиц). Все это дает основания считать, что предикативные сочетания закономерно относить, как и другие типы словосочетаний, к единицам языка, ибо их построение основано на регулярно повторяющихся закономерностях, которые учение о словосочетании ставит своей задачей изучить.

Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что на этом не оканчивается отличие предикативного сочетания от предложения, так как и в плане языка существуют две противопоставимые единицы – предикативное сочетание и модель предложения. Безусловно, в основе последней, если имеется в виду модель двусоставного предложения, лежит, как говорит И. И. Мещанинов, предикативное сочетание [49, 6].

Однако модель предложения более объемна, чем предикативное сочетание, так как включает закономерности распределения супraseгментных элементов.

В плане языка существуют как бы два яруса: один из них более низкий, на котором устанавливаются закономерности, диктующие порядок расположения и формы комбинирующихся единиц, другой предполагает наложение супraseгментных элементов, что создает модель предложения. Только после этого, получив коммуникативную направленность, данная структура может быть реализована в речи.

Следовательно, между созданием предикативного сочетания и актуальным предложением в речи существует еще одно звено – модель предложения, которая часто так же, как и предикативное сочетание,

обозначается термином «предложение». Подобное использование термина вносит дополнительную неясность в этот и без того сложный вопрос.

Спорность исключения предикативного сочетания из учения о словосочетании усиливается еще тем обстоятельством, что на уровне моделей предложения существуют не только модели двусоставных предложений, основанных на предикативных сочетаниях, но и другие структуры. Так, например, последовательность элементов «существительное + предлог + существительное», представляющая собой общепризнанную схему подчинительного субстантивного словосочетания, одновременно широко используется как модель односоставного предложения: *The horror of this effort!* [104, 224]. *The lion-dust of desert* [107, 24]. *A tough character like you* [105, 48]. Аналогичное явление наблюдается и в отношении структурной схемы «определение + определяемое». Например, *much laughter* [106, 54]. *His wet, damp, nervous hands!* [104, 56]. Однако этот факт почему-то не вызывает опасений возможности смешения предложения и словосочетания. Правда, субстантивные сочетания вышеприведенного типа актуализуются в виде предложений значительно реже, чем предикативные. Однако для принципиального решения вопроса это не существенно, так как важна сама возможность их реализации в виде предложений.

Такая недостаточная последовательность в решении проблемы о соотношении предложения и словосочетания значительно снижает доказательную силу утверждения о том, что включение предикативных групп в учение о словосочетании может привести к смешению этих двух единиц.

Таким образом, предикативные группы не исключаются из сферы изучения словосочетаний.

Сочинительные группы также вызывают большие сомнения в плане учения о словосочетании у современных лингвистов. У И.И. Мещанинова [48. 26-28] сочинительные группы отнесены к разряду словосочетаний более определенно, чем, например, у В. В. Виноградова [24, 13], который

координативными словосочетаниями считает только парные сочетания слов, «принадлежащих к одной и той же части речи» и соединенных союзами.

В. Н. Ярцева также высказывает свое отношение к сочинительным группам не вполне определенно и полагает, что «если и возможно для подобного рода параллельных рядов сохранить термин ‘словосочетание’», то следует учитывать, что эти группы необходимо «резко отграничивать от других типов» [73, 31].

В большинстве работ языковедов поддерживается именно эта точка зрения [67-69]. Однако существование определенных закономерностей, управляющих не только порядком расположения элементов, но также и объемом сочинительных групп и их морфологическим составом, позволяет считать эти образования грамматически организованными структурами. В силу этого теория их построения должна являться частью учения о словосочетании, ибо для создания подобной группы необходимо знание строго определенных закономерностей аранжировки и допустимого состава элементов, способных сочетаться на синтаксически равных правах. Например, *ladies and gentlemen*, но *men and women*. Именно эта точка зрения принята в данной работе и сочинительные группы включаются в сферу учения о словосочетании.

1.1.4. Предложные сочетания

Что касается предложных групп, то и они наравне с предикативными структурами изгоняются из учения о словосочетании значительной частью лингвистов [65]. Однако сторонники более широкого понимания термина «словосочетание» [12] оставляют их в сфере этого учения. Подобная трактовка представляется вполне убедительной, так как структуры предложных групп также регулируются строгими закономерностями, а не формируются произвольно. В силу этого изучение принципов построения этих образований также логично отнести к области учения о словосочетании.

Кроме того, классификация предлога как семантически пустого слова недостаточно оправдана.

Точное определение сущности, лексического значения не только предлога, но и других слов, чья семантическая наполненность гораздо ощутимее, связано с серьезными трудностями. Не случайно поэтому проблема значения слова интересовала не только лингвистов, но и философов, и привела к созданию целого ряда теорий, пытающихся пролить свет на этот столь важный и столь сложный вопрос [6, 20 и ел.; 8, 102-149; 16, 91-109; 23; 29, 5-8; 55; 59; 63; 73-81; 94].

Поскольку проблема значения была предметом многократных обсуждений, достаточно избрать один из существующих подходов к решению рассматриваемого вопроса и в виде отправной точки рассуждения принять одну из существующих концепций.

При интерпретации знака логично различать, с одной стороны, обозначение некоторого нелингвистического объекта и, с другой – «способ связи имени с объектом, способ указания на объект» [88, 107]. Однако вряд ли целесообразно пользоваться термином «значение» для первого понятия и термином «смысл» для второго, ибо длительное употребление этих двух лексических единиц как синонимов вызывает добавочные трудности при анализе этого вопроса. Поэтому как «значение», так и «смысл» применяются в данной работе индискриминировано и служат для обозначения понятийной соотнесенности слова «в отвлечении. . . от его предметной отнесенности, т. е. от конкретной направленности данного слова на данный единичный предмет номинации» [6, 21].

Как отмечается [88, 115], обозначение, т. е. теория референции, и теория смысла, т.е. отношение знака к выражаемому им содержанию, составляют разделы логической семантики. Другими словами, эти обе теории посвящены исследованию двух сторон одного вопроса.

В современной лингвистике [90-91] наибольшее количество сторонников насчитывает теория, согласно которой предлоги

рассматриваются как служебные слова. Однако в связи с неоднозначным толкованием этого класса слов, причисление предлогов к данной категории не приводит к единообразной лексико-семантической характеристике предлогов у различных исследователей.

Согласно укоренившейся традиции даже сторонники классификации предлогов как элементов, предназначенных для связи слов в сочетаниях, не отрицали их лексической содержательности. Ф.Ф. Фортунатов хотя и считал, что предлоги «выражают в самостоятельных предметах мысли данные отношения их к ..другим предметам», тем не менее признавал, что предлоги «означают нечто ... в значениях полных слов как частей предложения» [66, I, 170].

В.Н. Ярцева, определяя предлог как частицу, «служащую для связывания дополнений и обстоятельств с другими частями предложения», вместе с тем не отрицала, что предлоги «имеют и свои лексические значения», которые схожи со значением наречий места, хотя и гораздо слабее выражены [71, 436]. В. В. Виноградов также отмечал наличие лексического значения у предлогов, одновременно подчеркивая, что это лексическое значение может быть выражено в различной степени [24, 20-21 и сл].

Ю.С. Степанов формулирует свои взгляды в более категорической форме и утверждает, что отказ от признания лексического значения у служебных слов равносителен их исключению из частей речи [62, 6].

Исследователи германских языков высказывают аналогичные точки зрения. Так, В. М. Жирмунский отмечает, что помимо своей грамматической функции предлог обладает «известным минимумом лексического значения, присущего служебным словам» [33, 8]. А. И. Смирницкий также полагает, что все служебные слова характеризуются хоть и ослабленным, но все же собственным лексическим значением [58, 161]. Не отрицает определенную семантическую наполненность предлогов и W.C. Fowler [83, 237-256], хотя и не считает возможным называть это значение лексическим. Одним из доказательств того, что он не называет это значение лексическим, по его

мнению, следует считать отсутствие у предлога «двух различных по функции значений основного и ему сопутствующего», наличие которых характеризует знаменательные слова [83, 237-256 и 268-270].

Таким образом, несмотря на некоторые терминологические расхождения, даже те лингвисты, которые склонны основную функцию предлогов видеть в их связующей роли, не отрицают и известной семантической наполненности предлогов.

Исследуя предлоги на материале английского языка, Б.А Ильиш [40, 155] пришел к выводу, что предлогу присуще собственное лексическое содержание, настолько ярко выраженное, что передаваемое им значение может менять все высказывание, в котором участвует предлог. Следуя предложенному Б.А Ильишом приему проверки наличия лексического значения у предлога, можно убедиться, что в сочетаниях *look at something*, *look after something*, *look into something* изменяется, только предлог, но это меняет и значение всего высказывания. Обычное возражение, что само значение предлога выявляется только из его окружения, сути дела не меняет, так как значение любого слова, имеющего хотя бы только два значения, «автоматически превращает каждое из них в несвободное, контекстуально связанное», и однозначные слова встречаются в изолированных случаях, не существенных для общей закономерности [6, 32]. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения, и, как утверждает О. Есперсен, «любое знаковое значение возникает в контексте» и нельзя считать будто «существительное более значимо, чем предлог» [31, 303].

Употребление предлогов в английском языке подтверждает приведенные высказывания и свидетельствует о том, что кроме связующей функции предлоги несут совершенно определенную семантическую нагрузку. Именно самостоятельное лексическое значение позволяет предлогам быть использованными в речевом потоке с односторонне направленной связью, т. е. унилатерально.

Функционирование предлогов либо только с правой, либо только с левой сочетаемостью не прошло незамеченным, но получило различное теоретическое толкование.

Так, Б. А. Ильиш [40, 159] при анализе рядом стоящих предлогов типа *from under* отметил, что первый из них указывает на движение от того места, которое обозначено словесной группой, введенной другим предлогом. Однако Б.А. Ильиш не уточняет направление связей этих контактирующих предлогов и их взаимосотнесённости. Он подчеркивает, что подобное употребление предлогов нуждается в дальнейшем исследовании, и допускает, что парное употребление предлогов может получить иную интерпретацию и квалифицироваться как предложное сочетание, эквивалентное одному слову, вернее, одному предлогу [40, 159].

В германской лингвистике гораздо шире распространена иная точка зрения, согласно которой парное функционирование предлогов расценивается как явление морфологического порядка, и подобные биномы именуется составными предлогами [38, 94]. Однако известно, что морфологизация словесных групп происходит только в тех случаях, когда наблюдается регулярно повторяющаяся закономерность, т. е. регулярное использование одних и тех же составляющих для передачи определенных грамматических значений [101, Pt.1, 119-129].

В свете сказанного идентификация сочетания типа *out of* как составного предлога не может вызвать возражений по причине регулярности использования этого бинорма как предложного эквивалента. Однако оценка *out of* как сочетания двух предлогов вряд ли может быть безоговорочно принята.

В британском варианте английского языка элемент *out* как самостоятельный не числится и в словарях упоминается только в сочетании с другими предлогами [101, Pt.2, 84]. Возможность употребления структуры типа *look out the window* в американском варианте английского языка [44, 70] не меняет данного положения, так как не является нормой. Следовательно, не

возражая против причисления *out of* к составным предлогам, трудно согласиться с идентификацией элемента *out* как предлога современного английского языка [95, 124].

Следует особо подчеркнуть, что список составных предлогов для современного английского языка часто бывает неоправданно расширен и включает контактирующие пары, в употреблении которых не наблюдается ни установившейся закономерности, ни регулярного повторения тех же единиц, как это имеет место в истинно составном предлоге.

Даже в наиболее регулярно повторяющейся структуре «*from* + предлог места» только первый элемент постоянен, а второй не обладает этим свойством и характеризуется исключительно только постоянством подкласса: *from under*, *from beneath*, *from behind* и т. п.

Иными словами, предложное сочетание не представляет собой устойчивой структуры, так как в нем отсутствует унификация составляющих.

Изменяемость второго элемента предложного биннома, как показывает материал, обусловлена требованиями контекста, т. е. необходимостью изменить значение, передаваемое предложной группой. Так, например, сочетания *from under/from below/*, *from beneath* передают иное значение, чем, скажем, *from behind/from before*. Как известно, предлог *from* в своем пространственном значении служит указателем движения от какого-то объекта, тогда как лексические единицы *under* и *below* передают отношения разных горизонталей с указанием на более низкий уровень пространственного расположения, чем точка отсчёта. Это лексическое значение указанных словесных форм ощущается особенно ясно, когда *below* и *under* фигурируют в тексте как наречия: *Go below! the court below* [104, 17]; *...and he is feeling his age, I hear. ...We may both see him under* [107, 117].

Это же значение различия в расположении на пространственных горизонталях прослеживается у омонимичных лексических единиц, используемых как предлоги: *The flat hopeless voice might really have come from beneath the heavy graveyard slab* [106, 114]. Для сохранения того же

смыслового содержания предлог *beneath* допускает замену на один из элементов синонимичного ряда, как то: *below* или *under*, но, например, предлог *before* в данной ситуации недопустим, ибо передаваемое им значение не соответствует лексическому содержанию переменной единицы бинорма *beneath, below, under*. Аналогично и в следующем случае: *I slid my hand from under his* [105, 188].

Не менее специфичны лексические значения переменных единиц предложного бинорма с постоянной составляющей *from* и в следующих примерах: *...stir from before the ominous door* [104, 90]. *The best retorts always came from beyond the grave* [106, 78]. *From behind the closed door ... came the murmur...* [106, 66] *N. said from immediately on the other side of the door* [107, 44]. *You're from out of town* [104, 77].

Как видно из приведенного материала, предлог *from* характеризует общую направленность действия прочь от какого-то объекта, тогда как переменная составляющая используется для уточнения направленности действия по отношению к горизонтали поверхности, на которой расположен упомянутый объект.

Совершенно естественно, что в составном предлоге оба предлога характеризуют направление действия не только по отношению к указанному объекту, но и с учетом расположения в пространстве субъекта действия: первый предлог связывает левый элемент с правой синтаксической группой, выраженной предложным сочетанием: *come from (beneath the slab)*, а второй ограничен односторонней связью с именем существительным, расположенным справа от него.

Самостоятельность второго предлога проявляется особенно ясно в тех случаях, когда вводимая им группа отделена от предлога каким-либо элементом: *From slightly behind her J. R. rapped his forehead interrogatively* (107, 13).

Предлог *from* не является единственным предлогом, способным «управлять» предложными группами, и подобные структуры наблюдаются

не только для передачи пространственных отношений, но и для других, в частности, для темпоральных. Например, *I'll keep it for after tea* (105, 112).
...that younger Miss Brodie belonged to the prehistory of before their birth (106, 18).

Как видно из приведенных примеров, в темпоральных предложных бинамах второй предлог также не несет связующей функции, а употреблен исключительно для передачи определенного лексического значения. Связи второго предлога также односторонни, т.е. унилатеральны.

Если при предложных бинамах унилатеральные связи второго предлога могут считаться в известной мере спорными, [так как существует возможность рассматривать контактирующую предложную пару как составной предлог], то в некоторых других структурах унилатеральная предложная связь гораздо более ярко выражена. Существует ряд моделей, в которых связующая функция предлога исключена и его появление в тексте обусловлено чисто смысловыми требованиями.

Унилатеральное использование предлогов характеризует не только предлоги со значением места и времени, но наблюдается и в иных случаях. Например, *What the devil's that?//Abdel-Kader – head of* (106, 228). Здесь предлог *of* по передаваемому значению равнозначен притяжательному местоимению *his*, так как указывает на принадлежность предмета, обозначенного словом *head* ранее названному лицу. Несмотря на значительную абстрактность передаваемого значения именно определенное лексическое содержание, заключенное в предлоге *of*, допускает его дистантное расположение по отношению к тому элементу, чью принадлежность другому объекту сигнифицирует предлог *of*.

Аналогичное дистантное расположение чисто морфологических показателей синтаксических отношений, как, например, формы *'s head* – недопустимы. Унилатеральное функционирование предлога достаточно широко распространено и может быть проиллюстрировано следующими примерами: *And when I said the Bath, I meant the order of, not the barthroom*

(104, 87). M. felt both rebuked and looked after (107, 43). ...we were at the edge of the drop, with before us a sort of subterranean Giant's staircase (105, 216).

Из всех синтаксических позиций наиболее показательной в этом отношении, [т.е. в плане проявления унилатеральных связей предлога] является позиция подлежащего. Как известно, особенность этой позиции заключается в том, что она целиком соотнесена со сказуемым, и отдельные элементы, заполняющие эту позицию, не могут устанавливать самостоятельные синтаксические связи с отдельными элементами сказуемого. Например, *But she could always put it in a book. In a book was where the thing belonged* (106, 229).

Использование предложной группы в функции подлежащего: демонстрирует унилатеральное употребление предлога внутри группы подлежащего. Связь предлога *in* с именем существительным *a book* необходима для возникновения в группе требующегося содержания. В том виде, как это предложение представлено здесь, связь предлога *in* с глаголом *belong* существует только в плане глубинной грамматики. Аналогичное использование предлога с односторонними связями наблюдается и следующих случаях: *Before the war was another era* (104, 99). *For there might be no after the war for him* (106, 116).

Смысловая наполненность предлога особо наглядна при его включении в атрибутивную группу: *There was a small ladder... which was used by many of the ... guests for a before breakfast dip* (107, 221). *By this stage, the subtle alchemy which decides all battles for or against, had nearly worked itself out* (105, 190).

Употребление предложных групп в качестве заглавий также свидетельствует о возможности их унилатерального использования. Имплицитное присутствие второго элемента в подобных случаях, упоминаемое Б.А. Ильишом [39, 10], касается смысловой связи заглавия с последующим текстом и, таким образом, относится к глубинной грамматике. Например: *On the Beach. To the Lighthouse. Of Mice and Men*. Попытка убрать предлог из приведенных сочетаний изменяет значение, передаваемое

заглавием: *The Beach. The Lighthouse. Mice and Men.* Унилатеральные предложные связи также проявляются более определенно в тех случаях, когда предложная группа используется как односоставное предложение: *Pretty girl, beautiful, in fact – rather a silly face. On the stage. Repertory companies or some nonsense like that* (107, 109).

Синтаксическая интерпретация предложной группы в приведенном отрывке как неполного предложения была бы неоправданной, ибо структура всего высказывания построена на последовательном нанизывании односоставных предложений.

Возможность унилатерального употребления предлогов для передачи определенного лексического значения привела к образованию особого типа сложных слов, состоящих из комбинаций существительного с предлогом, глагола с предлогом и т.п. Участие предлога в словообразовательной структуре обусловлено чисто семантическими причинами.

Например: *The extension to surface structure of such functional notions as Subject-of is not an entirely straightforward matter* (104, 91).

Если попытаться опустить предлог из состава существительного *such functional notions as Subject is not...*, то значение рассматриваемой лексической единицы существенно изменится.

Аналогично в глагольных и других образованиях: *I couldn't by-pass that* (106, 84). *She went back to the University and her dreamed-of career* (104, 148). *...as un-get-at-able as H. V.* (106, 167).

Последний из приведенных примеров (*un-get-at-able*), можно считать наиболее показательным, так как отрицательный префикс *un-* и словообразовательный суффикс *-able*, сигнализирующий о принадлежности данной лексической единицы к классу имени прилагательного оформляют ту часть слова, которая является передатчиком собственно лексического значения, т. е. понятийной соотнесенности. Включение предлога именно в эту часть словообразовательной структуры свидетельствует о его лексической наполненности.

Унилатеральность связей предлога в структурах подобного типа самоочевидна.

Вопрос о том, являются ли рассмотренные образования сложными словами или нет, для данной работы несуществен. Весьма возможно, что отнесение приведенных дефисных групп к категории сложных слов может показаться спорным. Однако если считать вслед за академиком В. М. Жирмунским, что «семантическое единство слова . . . обязательно для всякого слова и представляется основой цельности и самостоятельности формальной» и что «минимум самостоятельности слова дает. . . критерий потенциальной выделяемости, то есть отдельности и цельности слова» [34, 7], то приведенные структуры можно считать отдельными словами.

Из всего сказанного следует, что независимо от того, какой морфологический статус приписывается предлогам, этот класс слов обладает своим собственным лексическим значением, так как каждому слову в отличие от морфемы всегда присуще известное лексическое содержание [34, 8].

Однако в ряде случаев лексическое значение предлога может быть столь абстрактно, что оказывается чрезвычайно затруднительным передать его в терминах существующих способов определения лексического значения и внеязыковой соотнесенности знака. Это плохо уловимое лексическое содержание характеризует некоторые предлоги при их определенной сочетаемости.

Независимо от билатеральной или унилатеральной направленности предложных связей интересной особенностью лексического значения предлогов является их свойство раскрывать свое семантическое содержание с помощью какого-либо одного элемента контекста, расположенного либо справа, либо слева от предлога. Иными словами, лексическое значение предлога идентифицируется с помощью контекста, «указательный минимум которого представлен одним ключевым словом, т. е, с помощью контекста

1-й степени» [6, 79]. Ключевое слово, или, пользуясь более кратким аналогом этого термина, «индикатор» [11, 35], в зависимости от местоположения может быть квалифицирован либо как «правый», либо как «левый» [9, 159]. Примечательно, что в ряде случаев индикатор необходим не для раскрытия лексического значения предлога, а для сигнализации отсутствия конкретно-определенного значения для понятийной соотнесенности. Это свойство предлога позволяет выделить следующие предложные группы:

1) группы, в которых предлоги способны проявить свое лексическое содержание с помощью индикатора, и

2) группы, в которых предлоги нуждаются в индикаторах для сигнализации отсутствия конкретно-определимого лексического значения.

Первая группа предлогов распадается на три подгруппы:

(а) предлоги, раскрывающие свое лексическое значение с помощью «правого» индикатора,

(б) предлоги, раскрывающие свое лексическое значение с помощью «левого» индикатора, и

(в) предлоги, способные проявить свое лексическое значение как при «правом», так и при «левом» индикаторе.

В группу (а) входят в основном локальные и темпоральные предлоги. Например, *on the table, in the country, under the bridge, at the window* или *on Sunday, at noon, in the morning*.

В группу (б) – предлоги с теми же значениями, но локальное содержание обычно предполагает некую динамичность, т. е. связано с передвижением на местности, что обеспечивается «левым» глагольным индикатором: *to, into, out of – to go, to move, to run, to walk; from – to come, to drop, to jump, to walk*.

В группе (в) одинаково хорошо проявляет свое лексическое содержание предлог *with* как при «правом», так и при «левом» индикаторе: *to eat with, with a fork*.

Вторая группа предлогов, нуждающаяся в индикаторе для сигнализации отсутствия конкретно-определимого лексического значения, характеризуется

преимущественно «левым» индикатором to crave for, to dream of /about, to rely on, to object to, to depend on.

В тех случаях, когда «левый» индикатор выражен глаголом, его значение редко соответствует конкретно-физическому действию. Обычно это бывают глаголы, передающие психические процессы.

Кроме глаголов в качестве «левого» индикатора предлогов второй группы могут выступать имена прилагательные или существительные, также с неконкретным значением: deficient in, reasons for.

Как обычно наблюдается при классификациях, не все рассматриваемые элементы одинаково хорошо укладываются в предназначенные для них разряды и, как правило, часть фактического материала проявляет свойства, не присущие основной массе исследуемых единиц, и остается за пределами построенной схемы.

К таким изолированным единицам с индивидуальными свойствами, отличающими их от других слов того же класса, относятся те немногочисленные предлоги, которые способны проявить свое лексическое значение самостоятельно, без каких либо индикаторов. В первую очередь следует назвать предлог during, обладающий способностью раскрывать свою семантическую сущность без помощи контекста.

Кроме предлога during, который для современного языкового сознания уже потерял свою генетическую связь с причастием, к этой же группе предлогов следует отнести единицы, чье вербальное происхождение продолжает ощущаться и в настоящее время: concerning, considering, regarding.

Суммируя все вышесказанное, следует еще раз подчеркнуть, что предлоги не представляют собой лексически пустых единиц и что наряду со своей связующей функцией обладают самостоятельным семантическим содержанием. Существование предлогов с неуловимым лексическим значением не опровергает сказанного, а, скорее, свидетельствует о том, что абстрактная понятийная соотнесенность пока еще трудно выделима.

Особую сложность представляет проблема выяснения лексико-фразеологических и синтаксических отношений между элементами предложной группы. Этот вопрос обычно не принято решать в синтаксическом и лексико-фразеологическом плане из-за особого отношения к предлогу как к единице, осуществляющей связь между элементами, но не способной самостоятельно вступить в синтаксические отношения со своим окружением. Подобная трактовка роли предлога является результатом его классификации как не совсем полноценного словесного элемента, расцениваемого как служебное слово или даже морфема [20, 114]. Однако если учесть влияние роли предлога на комбинирующиеся с ним элементы, то оценка роли предлога в сочетании может оказаться иной. Действительно, для определения синтаксической роли предлога в сочетании существенно не его лексическое [или семантико-фразеологическое] наполнение, а влияние, оказываемое им на окружающие формы. Правда, в современном английском языке это влияние ограничивается только личными местоимениями, однако и этих немногочисленных примеров достаточно для того, чтобы попытаться определить суть взаимоотношений между предлогом и последующей языковой единицей.

Весьма показательно, что любой предлог, независимо от его значения, всегда вызывает одну и ту же форму сочетающихся с ним личных местоимений, а именно – форму объектного падежа:

- to look at me/him/them;
- to believe in me/him/them;
- to rely on me/him/them;
- to rush at me/him/them;
- to fight with me/him/them.

В связи с этим необходимо выявить, какое из известных синтаксических отношений существует между элементами предложной группы. Как известно, форма следующего за предлогом элемента изменяется под влиянием предлога. Подобная способность одного морфологического класса

влиять на изменение формы другого комбинирующегося с ним класса в грамматике называется управлением. Однако согласно укоренившейся в лингвистике традиции управление является одним из проявлений подчинения [72, 60]. Естественным следствием этого положения является признание наличия отношений подчинения в предложных группах. Более того, предлог ведет себя как ведущий элемент группы, так как именно предлог вызывает изменение формы последующей единицы, которая должна «приспособиться» к предлогу для того, чтобы возникло сочетание с предлогом. Иными словами, способность предлога управлять формой сочетающегося с ним личного местоимения свидетельствует о господствующем положении предлога в предложных группах.

Отсутствие соответствующей формы у других зависимых от предлога элементов, [т. е. при ином способе морфологического выражения второго элемента предложной группы] не меняет сути этого явления и не может поставить под сомнение доминирующее положение предлога в группе; не проявление подобающей формы в зависимом от предлога слове происходит не «по вине» предлога, а «по вине» присоединяемого слова, которое просто не способно измениться даже в позиции подчинения: *to rely on him* vs. *to rely on his brother*.

Таким образом, отсутствие соответствующей формы у существительного обусловлено не отсутствием способности у предлога вызывать эту форму, а неспособностью самого субстантивного элемента принимать форму объектного падежа. В таких случаях можно говорить об имплицитном выражении управления.

Следует особо подчеркнуть, что при описании глагольных форм в работе не учитывается различие между причастием I (PI) и герундием и все глагольные формы на *-ing* классифицируются как причастие I (PI). Подобный подход к трактовке *ing* – форм не нов и известен по другим работам [34, 55]. Более того, в плане комбинаторных возможностей эти две формы ведут себя

одинаково и поэтому на уровне словосочетания не имеет смысла их различать.

1.2. Лексико-фразеологическая воспроизводимость синтаксических конструкций

Представители формальной лингвистики полагают, что построение высказываний осуществляется просто путем употребления в речи абстрактных синтаксических моделей или конструкций, типичных для данного языка. При этом считается, что говорящий свободен в выборе лексических средств для «наполнения» той или иной продуктивной (неограниченно повторяемой, воспроизводимой в речи) конструкции. Согласно этой точке зрения, абсолютно свободными группами слов являются те языковые единицы, которые, в отличие от идиоматических фразеологических единиц, объединяют лексемы, «совершенно произвольно» выбранные говорящим. Так, устойчивые глобальные комплексы типа *to give up* в значении отказаться от чего-либо или *as a matter of fact* в значении на самом деле характеризуются идиоматичностью, фразеологической связанностью в смысле невозможности замены составляющих их лексем, в то время как *strictly private* в “That would never do – my information is strictly private, of course” (104, 103) или *humanly possible* в “I’d try to stay out of this thing as much as is humanly possible” (107, 184), например, представляются с этих позиций неограниченными образованиями, полученными в результате «свободного» творчества говорящего.

В этой связи необходимо вновь подчеркнуть, что языкознание, наука о естественных человеческих языках, должно исходить из реальности, действительности разнообразных речупотреблений. При анализе конкретного материала выясняется, что все высказывания ощущают на себе в большей или меньшей степени воздействие факторов, ограничивающих сочетаемость слов в речи, из которых наиболее мощным и всеобъемлющим является фактор социолингвистической обусловленности [82]. Дело в том,

что лингвистические структуры существуют не сами по себе, абстрактно, а в определенном социально-историческом контексте. Говорящий в каждом отдельном случае не свободен от конкретных условий места и времени коммуникации, и сам является представителем определенного социального коллектива с его культурой, традициями и обычаями [43]. Поэтому становится фактически неприемлемым представление об абсолютно свободном сочетании слов, понимаемом как механическое соединение лексических единиц, произвольно наполняющих продуктивную синтаксическую конструкцию.

Таким образом, с одной стороны, исходя из принадлежности данного синтаксического построения (конструкции) к слою продуктивных образований, мы можем свободно реализовать его в речи.

С другой стороны, вполне ясна невозможность автоматической подстановки слов вместо символов ("Word in -ly"+Adj), так как мы имеем дело не с застывшей системой категорий, а с естественным человеческим языком во всем многообразии его форм, функций, вариантов, сфер употребления.

Например, *badly white face* в значении очень белое лицо и *horribly grateful* в значении чрезвычайно благодарен будут вряд ли возможными словосочетаниями с точки зрения правильного английского языка, так как *horribly* способно определять в плане усиления лишь отрицательное качество или неприятное состояние лица, а *badly* в функции усилителя характеризуется лишь ограниченной встречаемостью в силу особенностей выражаемого им лексического содержания.

Из сказанного следует, что продуктивность грамматическая, обеспечивающая свободную и регулярную воспроизводимость в речи той или иной синтаксической конструкции, не может рассматриваться в отрыве от продуктивности лексико-фразеологической.

Из определения словосочетания явствует его, казалось бы, противоречивый характер: соединение двух или более знаменательных слов,

служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления.

Однако данное определение отражает диалектику сложного процесса образования и употребления словосочетаний в речи, т.е. «двойственность», которая отличает эту основную единицу «малого синтаксиса».

Дело заключается в том, что большинство словосочетаний (исключая лишь абсолютно «свободные» единицы, существование которых преимущественно мыслится возможным лишь в теории, а также устойчивые клише, эквивалентные фразеологическим комплексам) являются одновременно и воспроизводимыми и создаваемыми заново.

1.3. Индивидуальная выразительность лексико-фразеологического содержания словосочетания

Хотя синтаксические модели, «порождающие» конкретные высказывания, вполне продуктивны и как структуры неограниченно воспроизводятся в речи, эта закономерность не может быть автоматически перенесена в сферу действительного речеупотребления, т.е. в ту область, где мы имеем дело с реальными фактами речи.

Как уже отмечалось выше, конкретные высказывания нельзя изучать абстрактными методами, не предусматривающими анализ особенностей их употребления различными людьми в различных обстоятельствах.

Исследование реального текстового материала показывает, что каждое словосочетание по-разному воспринимается в разные периоды времени. Это подтверждается, в частности, существованием определенного количества наиболее употребительных сочетаний, характерных для данного этапа развития общества и регулярно воспроизводимых его членами.

Так, о большинстве словосочетаний нельзя сказать, что мы действительно явились их авторами и что никто никогда их до нас не употреблял.

Подобные единицы, как правило, обусловлены социолингвистически, что создает предпосылки для образования тесной семантической связи между элементами словосочетания, которое постепенно превращается в единый комплекс, выражающий глобальное содержание.

Например: *I'm awfully sorry about that; I'm awfully glad to hear you're better; ...it's terribly important; He was horribly afraid* и т.д.

В то же время может возникнуть вполне оправданное стремление к образованию окказионального сочетания слов, что особенно типично для словесно-художественного творчества. В этих случаях говорящий (чаще, пишущий, писатель) лишь отталкивается от буквальных, действительных значений слов, которые впоследствии переосмысляются в соответствии с потребностями контекста ситуации.

Так, например, *immoderately verbose* и *overpoweringly dull* в “*On the rumour of its conception this work was eagerly bid for among publishers, but as it proved after his death to be immoderately verbose and overpoweringly dull, it never obtained even a private printing*” (104, 216) являются свободными словосочетаниями, сложное содержание которых может быть понято только на метасемиотическом уровне. Здесь стремление к образному выражению мысли заставляет говорящего изыскивать новые, оригинальные языковые средства. Используя продуктивную морфосинтаксическую модель, он самостоятельно производит слово на -ly от основы прилагательного, значение которого (включая и эмоциональные оттенки) соответствует его намерению.

Такое словоупотребление является инновацией на метасемиотическом уровне.

Мы рассмотрели в самом общем виде полярные случаи, не вызывающие сомнения относительно принадлежности исследуемых словосочетаний к семантическому или метасемиотическому уровню лингвистического анализа.

Однако наибольшую трудность представляют единицы, занимающие промежуточное положение между этими экстремальными возможностями. Они возникают, в частности, по следующим причинам.

Так, клишированные сочетания могут подвергаться процессу переосмысления, вызывающему осложнение их значения и постепенное приближение к области метасемиотики.

Так, *wondrously*, *monstrously*, *vastly*, фигурировавшие в прошлом веке, видимо, в роли разговорных клише, впоследствии были забыты и в настоящее время воспринимаются как оригинальные способы выражения [50]. Например:

“They both seemed to find the situation vastly funny” [107, 168].

Диалектику фразеологически связанных, несвободных значений, которые реализуются в специфических контекстах, можно проследить только при четком разграничении образного индивидуального употребления того или иного слова (или словосочетания) и общественно осознанного (отстоявшегося) его употребления. Вместе с тем окказиональные словосочетания при благоприятных изменениях ситуации общения вообще и экстралингвистического контекста, в частности, могут приобретать устойчивость.

Так, например, *vitally necessary*, *mortally afraid*, *deathly white*, *hypnotically direct stare of eyes*, *exquisitely polite* и т.д. впервые вошли в английский язык как окказиональные словосочетания, несущие на себе отпечаток индивидуального стиля автора. Они становились все более и более употребительными, утрачивая при этом свою эмоциональную выразительность. Первоначально говорящий, безусловно, создает усилители типа *vitally* заново, в том смысле, что он употребляет их для выражения высокой степени приписываемого предмету качества. Затем сочетания таких слов на -ly с прилагательными близкой семантики становятся привычными для членов данного языкового коллектива. С возрастом

употребительности подобные группы слов все более отдаются от метасемиотического уровня.

Можно предположить, что все словосочетания содержат в большей или меньшей степени элементы семантического и метасемиотического уровней, грань между которыми является подвижной, реагирующей на все изменения в тенденции развития языка вообще.

Так, следующие единицы располагаются в порядке убывания их семантической самостоятельности и, соответственно, возрастания коннотативности:

terribly sorry в “I’m terribly sorry about all this, Jake” [104, 115];

frightfully wrong в “What you’ve done may be frightfully wrong theoretically, Gregory” [107, 44];

dreadfully impatient в “John looked so dreadfully impatient” (Mary Stewart);

appallingly dull в “...they have nothing to help with except their company which is often appallingly dull” [106, 66];

destructively right-thinking в “Sir Thomas was cautious and earnest – deadly, destructively right-thinking” [105, 91];

devastatingly chic в “I expect I would be the same if I looked so devastatingly chic” [107, 188].

Подобное расположение материала по принципу «постепенности» (или «градации») позволяет наглядно показать, что способность усиливать качество достигает своей наивысшей точки в случае метасемиотических образований, объединяющих естественно несочетаемые понятия (destructively right-thinking, devastatingly chic).

Таким образом, усилители могут быть представлены в виде «цепочки», показывающей переход от менее стилистически окрашенного слова к метасемиотически более сложному образованию, от элемента, утратившего (или начинающего утрачивать) свою ингерентную коннотацию, к элементу, еще способному выражать ее. Это, в частности, объясняет столь большое

число усилителей в современном английском языке. Эмоциональные оценки, социальный подтекст, выражаемые усилителями, весьма разнообразны.

Однако, видимо, и этого избытка оказывается недостаточно для удовлетворения потребности в новых, обладающих оригинальной стилистической окраской усилителях, если весьма частыми являются случаи их метасемиотического употребления [101].

1.4. Индивидуальная выразительность лексико-фразеологического содержания словосочетания

Рассмотрев отдельные вопросы, связанные с исследованием слов на -ly в свете теории словосочетания, мы приходим к выводу о том, что следует обобщить сделанные нами наблюдения. Иначе говоря, необходимо выделить наиболее общие категории, которые составили бы основу изучения различных сочетаний и позволили бы с научной точки зрения разграничить полярные в лингвостилистическом отношении явления, а также охарактеризовать более тонкие различия.

Изучение словосочетания невозможно без ясного понимания его языковой сущности, которая раскрывается, если, отправляясь от полярных случаев (предполагающих максимальную выраженность или невыраженность данного категориального свойства), представить весь материал как закономерно распределяющийся между ними. Анализ языковых фактов позволил выделить следующие категории.

1.4.1. Категория коннотативности / неконнотативности.

Эта категория конституируется противопоставлением языковых единиц, реализующих функцию воздействия (маркированный член) и функцию сообщения (немаркированный член).

Такое разграничение предполагает отнесение словосочетания к семантическому или метасемиотическому уровню лингвистического анализа, так как коннотативная насыщенность языкового знака определяется также

возможностью его использования для выражения «нового» эмоционально-экспрессивно-оценочного содержания.

Следующие словосочетания относятся к «неконнотативным» потому, что они содержат так называемое «интеллективное сообщение», т.е. отражают объективную характеристику взаимосвязи между реально представляемыми предметами.

Например:

“The top of the gorge was wild and overgrown and lumpy, and I remember it also thickly wooded” [104, 17]

“I don’t fancy your ounce-packet stuff. I like my tobacco freshly mixed... ” [107, 91].

“The brightly lit scene revealed through the doorway had a crudely unreal quality” [106, 128].

Напротив, вполне определенно выраженные «коннотации» – эмоционально-экспрессивно-оценочные обертоны – присущи другим словосочетаниям, восприятие которых никак не ограничивается фактическим соотношением тех или иных предметов и качеств.

Например:

“They’ll put some awful creature into your room, either one of the old hot water brigade or some devastatingly bright young person from the lounge set”; “And then he came shuffling back, so maddeningly deliberate that his wife’s eyes began rolling round with sheer impatience”; “...and only postmen who are caught within half a dozen streets of it are triumphantly positive” [105, 201].

Многообразные оттенки экспрессивного воздействия слов *devastatingly*, *maddeningly* и *triumphantly*, относящихся к эмоциональной лексике (т.е. обладающих устойчивой эмоциональной окрашенностью), могут быть поняты только на метасемиотическом уровне.

В отличие от семантического анализа метасемиотика предполагает рассмотрение языка как «воплощения второй (образной) действительности, которую искусство открывает в действительности реальной и которая не

имеет собственного раздельного звукового отображения, а пользуется формой другого, буквально понимаемого содержания».

На метасемиотическом уровне реализуются значения, выходящие за пределы ограничений, обусловливаемых семантическим уровнем. Здесь мы вступаем в область «свободного» творчества автора, воплощающего в метасемиотических сочетаниях свое собственное авторское видение, восприятие или понимание того или иного явления объективной действительности.

Полная «свобода» говорящего предполагает образование метасемиотических словосочетаний, выходящих за пределы норм понятийной сочетаемости. Поэтому словосочетания, в составе которых функционируют разные в плане оценки слова, характеризуются максимальной экспрессивностью и обладают наибольшей силой эмоционального воздействия. Например:

“The hall was at present occupied by two deplorably sober men and their highly indignant wives”; ““Oh, yes,’ said Tom, gruffly polite, but obviously not remembering” [104, 113].

“The house itself was pleasantly nondescript, but solid and bigger than it looked”; “I think you’re crazy – rather splendidly crazy”; “ ‘Cynthia, is this an ultimatum?’ ‘Another dreadful word, – unhappily appropriate’ ” [107, 131].

“He is a pleasant, pretty young fellow, with a charming voice and agreeably disrespectful manners”; “He is a Napoleon of industry and disgustingly rich, isn’t he?”; “She’s so deliciously low, – so horribly dirty...” [107, 81]

Напротив, сочетания *dangerously ill*, *untidily dressed* и т.д. реализуют функцию сообщения, поскольку их содержание ограничивается выражением фактических отношений действительности. То же самое наблюдается и в следующих случаях:

“I thought at first that perhaps he was mentally deficient”; “...Otto seized from the pile of green fodder beside him ... other foreign greenery which the

hastily gathered herbage was sure to contain”; “These things are very closely connected, you know” [104, 16].

“The transactions in Montana copper that made him many times a millionaire found him physically robust but on the verge of softmindedness” [106, 154].

“Unlike Lewis, I used a peep sight in the string, and there I had something really good”; “As it was, I looked down the green strand going ... over a projecting dangerously sharp rock...” [104, 11].

Поскольку языковые единицы на семантическом уровне не наполняются новым содержанием, не осложняются коннотациями, а употребляются в речи в соответствии с их прямым номинативным значением, постольку они лишь повторяются, а не создаются заново, воспроизводятся, а не являются результатом самостоятельного творчества говорящего.

Напротив, на метасемиотическом уровне словосочетания перестают быть семантически связанными: «их внешняя (звуковая) и внутренняя (семантическая) стороны выступают в целом как выражение для другого (мета) содержания, так как на метасемиотическом уровне в центре внимания оказываются эмоционально-экспрессивнооценочные коннотации» [7, 46].

1.4.2. Категория клишированности.

Эта категория предусматривает разграничение между регулярно воспроизводимыми единицами (маркированный член) и теми словосочетаниями, которые являются созданными заново для описания данной ситуации (немаркированный член).

Свойство клишированности наиболее отчетливо проявляется тогда, когда единицы эмоциональной лексики утрачивают первоначально присущие им эмоционально-экспрессивно-оценочные оттенки значения.

Так, хотя слова *awfully*, *jolly*, *highly* и обладают определенной коннотативностью, в составе таких комплексов, как *awfully sorry*, *jolly good*, *highly strung*, последняя постепенно стирается, и эти слова выступают уже не

как часть эмоциональной лексики, а как элементы сочетаний, маркированных в плане категории клишированности.

Монолитность целого преобладает над формальной разделённостью этих образований, которые выражают единое, нерасчленённое семантическое содержание.

Клишированность является «нулевой» у окказиональных словосочетаний, осложнённых коннотациями и создаваемых в процессе построения речи.

Как было показано выше, словосочетания этого рода далеко выходят за пределы сферы общего употребления, явно отражая индивидуальный вкус писателя. Например:

“Almost any tale of our doings is comic. We are bottomlessly comic to each other”; “...Otto open-mouthed and snoring, Otto huge, shaggy, deplorably and shamefully present and fast asleep” [104, 16].

“...he had taken a room in a hotel which was neither an international transit camp, nor too powerfully local in its colour” [106, 103].

“At sixteen he had lived almost entirely within himself, an inarticulate boy, thoroughly un-American, and politely bewildered by his contemporaries” [105, 14].

“After that painful scene the quiet of Nature was wonderfully poignant ” [104, 10].

В области словосочетания маркированность и немаркированность в плане той или иной категории не мыслятся по принципу строгого и абсолютно логического противопоставления.

Поэтому лингвистические единицы на уровне словосочетания обладают разной степенью воспроизводимости. Оригинальные образования, выступающие как произведения речи говорящего, составляют одну группу явлений, к другой – относятся клишированные комплексы, приближающиеся по своей функциональной значимости к непродуктивным фразеологическим единицам.

Между этими крайними случаями выделяются различные стадии (ступени) развития данной функциональной способности, отражающие постепенную утрату противоположного качества. Этот процесс обусловлен как внутренними закономерностями системы языка, так и экстралингвистическими факторами, лежащими в основе изменений первоначальных значений и оттенков.

Именно большую или меньшую клишированность словосочетаний, большую или меньшую их расчлененность мы находим в таких примерах, как *strictly private, widely scattered, highly probable, firmly rooted, perfectly familiar, acutely painful, abundantly clear* и т.д., которые, хотя и отличаются от собственно клише типа «*awfully sorry*» и «*jolly good*», тем не менее могут быть отнесены к маркированным членам данного противопоставления (клишированным комплексам).

Устойчивые образования этого рода представляют собой общепринятые, узуальные употребления. Регулярная воспроизводимость таких словосочетаний превращает их в речевые штампы.

Таким образом, в качестве маркированного и немаркированного членов в плане категории клишированности противопоставляются механически воспроизводимое, шаблонное выражение, с одной стороны, и словосочетание, непосредственно создаваемое в речи, с другой.

1.4.3. Категория идиоматичности.

1. Эта категория характеризуется тем, что в качестве маркированного члена противопоставления выделяется фразеологическая единица, обладающая идиоматическим значением, а немаркированного – словосочетание, реализующее свободные номинативные значения составляющих его слов. Здесь мы исходим из того, что идиоматическое выражение обнаруживает в своем синтаксическом и семантическом строении специфические свойства данного языка. Однако поскольку здесь речь идет о коллокации, в центре внимания, естественно, оказывается вопрос о том, в

какой степени своеобразным, предметнологически необоснованным является сочетание двух отдельных слов.

Непродуктивная сфера языка предполагает существование словосочетаний, обладающих идиоматическим характером и регулярно повторяемых в речи в заранее данном виде [47]. Процесс становления идиоматического (фразеологически связанного) словосочетания обусловлен закономерностями общепринятого речевого употребления, которые оказываются тесно связанными с внеязыковыми факторами [48]. Именно поэтому идиоматические образования являются устойчивыми в широком смысле слова.

Свойство идиоматичности находит свое наивысшее развитие в абсолютно неразложимых словосочетаниях, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значения их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» [29]. Однако возможны различные градации невыводимости значения целого из значений частей. На этот основной признак семантической неразложимости опирается деление фразеологизмов языка по их типам.

Следует признать, что собственно фразеологические единицы, обладающие идиоматическим значением при полном отсутствии мотивированности, сравнительно немногочисленны, и их выделение не сопряжено с какими-либо особыми трудностями.

Наиболее сложную проблему представляют именно промежуточные случаи, располагающиеся между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами, т.е. «те бесчисленные и разнообразные “лексические контексты” под влиянием которых воспроизводятся разные „лексико-фразеологические“ варианты слов» [5].

В соответствии с вышесказанным выделенные словосочетания в следующих примерах являются идиоматическими образованиями, так как они в значительной степени обусловлены специфическими особенностями

коллокационных связей (лексико-фразеологических отношений) между словами в английском языке:

“...and any halting sentences he could produce about himself would be handsomely paid for...”; “Though I don’t know that you’d like it. It’ll be perishingly cold” [104, 140].

“Phyllis was pale and trembling, Lady Carmichael deathly white” [106, 19].

Напротив, неидиоматические словосочетания (т.е. сочетания с нулевой степенью идиоматичности), составляющие части которых реализуют прямые номинативные значения, непосредственно направлены на действительность, не содержат семантического переноса. Поэтому следующие сочетания могут быть отнесены к немаркированным членам категории идиоматичности:

“As far as he could see, he was perfectly safe“She... held some clue to the affair of which we were absolutely ignorant ” [106, 24].

“He had stared... at the words ‘Restaurant Bretagne’..., rather favourably impressed’; “Of course he understands that it’s a lead to a divorce; but you must seem genuinely anxious to get Dartie back – you might practise that attitude today” [107, 89].

“I knocked again, very loudly. The place was completely silent”; “I also put myself into a totally different ‘life-mood’ which had extensive and surprising results” [106, 159].

“I found her extremely attractive” [104, 129].

Такого рода словосочетания должны обладать высшей степенью «концептуальной полноценности», которая ниже выделяется в особую категорию.

1.4.4. Категория концептуальной полноценности.

Эта категория предполагает наличие у словосочетаний определенной понятийной основы. Так, *brilliantly* в *brilliantly intellectual boy* выражает положительную характеристику, а *notoriously* в *notoriously inadequate allowances* – отрицательную. Однако усилители на семантическом уровне

реализуются в речи чаще автоматически и оказываются лишенными собственного лексического содержания, что позволяет квалифицировать их как элементы фатической функции речи.

Например, *awfully* в *He's an awfully nice man* и *terribly* в *I am most terribly grateful to you* не несут положительной информации (обладают нулевой концептуальностью), а лишь способствуют привлечению внимания слушающего к той части высказывания, которая должна быть выделена согласно намерению говорящего и потребностям контекста ситуации. Фатические клише оказываются, таким образом, лишенными концептуальной обусловленности в своем нейтральном немаркированном варианте. Например:

“ ‘If you don't mind my saying so, Mrs. Dersingham,’ said Major Trape, ‘this omelette's awf'ly good, awf'ly good’”; “I wondered if it was your daughter. She's awfully pretty, isn't she?”; “I wish I was a terribly successful woman writer with a villa somewhere on the Riviera...”; “They are probably all frightfully busy now, and I'd rather not, thanks” [107, 206].

Тем не менее, и в этом случае следует исходить из метода «цепочки», предполагающего постепенное накопление признаков одного качества по мере утраты противоположного. Если в приведенных высказываниях *awfully*, *terribly*, а также *frightfully* выполняют функцию разговорных фатических клише, являясь концептуально немаркированными частями словосочетаний, то при разрушении границ их типичной лексико-фразеологической сочетаемости (при употреблении их не в столь обычном окружении) содержание всего словосочетания осложняется.

Так, *awfully* в “These are good people, Ed. But they're awfully clannish, they're set in their ways” [105, 112] и в “And now Miss Verever produced her most famous glance of inquiry awfully enigmatical in its final meaning” [106, 98], а также *terribly* в “...but the trouble was that the really nice attractive ones were nearly always terribly domesticated, up to the neck in wives and families...” [104, 111] выступают уже как более полнозначные элементы в составе

соответствующих словосочетаний по сравнению с предыдущими примерами, где их роль ограничивалась фатической функцией.

Явление превращения полнозначных образований в автоматически воспроизводимые речевые клише наблюдается в целом ряде сочетаний в английском языке. По-видимому, к этому классу изменений следует, в частности, отнести обороты типа «I am eager; I am anxious», которые в тех случаях, когда возникает необходимость в реализации (восстановлении) их семантического содержания в полном объеме, требуют особого выделения в тексте путем дополнительных разъяснений.

Например:

“I pause here to say another word or two about my protégé Arnold Baffin. I am anxious (this is not a phrase, I feel anxiety) about the clarity and justice of my presentation of Arnold...” [105, 166].

В вопросе о понятийной основе (концептуальной обусловленности) речевых усилителей существенным является деление последних на относящихся к сфере объективной и субъективной характеристики.

Так, если мы рассмотрим словосочетания *enormously large eyes*, *extremely respectful recruits*, *excessively tiresome talk*, *wholly technical conversation*, *utterly preposterous notion*, *exceedingly strong desire* – то можно отметить, что, хотя во всех приведенных случаях степень усиления достаточно велика, слова *enormously*, *extremely*, *excessively*, *wholly*, *utterly* и *exceedingly* выражают скорее объективную констатацию факта, а не внутреннее эмоциональное состояние говорящего. Иначе говоря, здесь мы сталкиваемся с усилителями объективной оценки, обозначающими интенсификацию количественного изменения.

Выражение субъективно-эмоциональной характеристики качества может осуществляться такими усилителями, как *surprisingly* (“Again, everybody was very decent, surprisingly decent ”); *frightfully* (“She has hallucinations and things, you know, and apparently is most frightfully interesting from a medical point of view.” [106, 12]; *tremendously* (“He’s so entertaining – he’s so tremendously

stimulating and exciting.” [104, 116]; amazingly (“...her form under the tight sheath, known then as a hobble-skirt, was amazingly supple and slender.” [107, 190]; phenomenally (“His prospects were phenomenally severe.” [105, 119]; devastatingly (“...I expect I should be the same if I looked so devastatingly chic” [104, 199] и т.д.

Логично предположить, что наречия со значением пейоративной оценки будут выражать усиление отрицательного качества, а наречия мелиоративной оценки - положительного. Например, в следующих случаях слова на -ly имеют явно пейоративное значение и естественно сочетаются с прилагательными, выражающими неприятное состояние или отрицательное качество:

appallingly dull company в “...they have nothing to help with except their company which is often appallingly dull” [104, 16].

disgustingly humble air в “‘I was glad to be of service to her,’ said Hugo with a ‘disgustingly humble air’” [107, 187.]

shamefully careless в “I considered that our police must have been shamefully careless for such an outrage to be possible” [105, 114].

Напротив, усилители, выражающие положительную ингерентную коннотацию, функционируют в сочетаниях с прилагательными, обладающими явно положительной направленностью значения:

“He was always pleasantly deferential to his aunt, and listened with an appearance of intense interest to the reminiscences of her youth” [105, 119].

“ ‘So Roger’s blissfully happy?’ said Rachel, to whom I had told all” [104, 33].

“He found her excitingly desirable”; “...her form under the tight sheath, known then as a hobble-skirt, was amazingly supple and slender” [106, 114].

В приведенных высказываниях слова на -ly в полной мере реализуют свое концептуальное содержание и выступают как полноценные лексические единицы, равные по объему выражаемого ими значения определяемым прилагательным.

Однако возрастающая возможность образования «оксюморонных» сочетаний с такими усилителями, как awfully (That's awfully nice of you; He is an awfully nice man); terribly (I thought it terribly sweet of you...); frightfully (It's a frightfully interesting case); dreadfully (The room was dreadfully cosy) и т.д. свидетельствует о десемантизации последних, о превращении их в клишированные фатические единицы.

1.4.5. Категория социолингвистической обусловленности.

Словосочетаниями, немаркированными в плане этой категории, могут считаться, например, hot weather и green grass, которые мотивированы экстралингвистической действительностью.

Однако, когда содержание, выражаемое словосочетанием, непосредственно связано с социальной жизнью общества, определяющими становятся особенности жизни данного языкового коллектива.

Например, в том, что awfully pretty, terribly tiresome, frightfully busy, beastly unfair, strikingly handsome, extremely careful, perfectly happy и т.д. воспринимаются в современном английском языке как разговорные клише, проявляется тенденция к завышенной оценке выражаемого признака (overstatement), все более входящая в моду у представителей английской молодежи.

Таким образом, каждое высказывание реализуется в условиях определенной культуры, традиций и обычаев данного языкового коллектива. Поэтому при исследовании словосочетания следует иметь в виду и социолингвистический аспект, т.е. «причинные связи между языком и фактами общественной жизни» [49]. При этом в процесс сочетания слов в речи оказывается вовлеченным целый ряд важнейших социолингвистических факторов (общественная психология, социальная структура общества, конкретно-исторический этап его развития).

Словосочетания hopelessly incompetent government в "The workers have every right to meet and voice their grievances when the Government is so

hopelessly incompetent” [104, 170] и remotely rich в “Their interest rather touched me and made them less remotely rich” [107, 204] являются социолингвистически обусловленными (маркированный член), поскольку они реализуются в контексте определенной социальной действительности.

Словосочетания, обладающие экстралингвистической мотивированностью типа «blue sky» или «fresh air», рассматриваются как немаркированные члены данного противопоставления, нейтральные в этом отношении.

Следует подчеркнуть, что в социолингвистическом плане язык и общество оказываются тесно связанными в их историческом развитии. Разнообразные речевые употребления предстают не как свободно возникающие и исчезающие варианты, а определенным образом коррелируют с системой социальных отношений. Например, словосочетание *dismally mid-Victorian* в “He was feeling more strongly than ever that Timothy’s was hopelessly ‘run-ti-too, and the souls of his aunts *dismally mid-Victorian*” [105, 117] предполагает знание социально-исторических реалий, так как здесь имеется в виду уходящий «золотой век» правления королевы Виктории (вторая половина XIX века).

Социолингвистически обусловленными являются также словосочетания *sufficiently greying hair* и *strictly formal relations* в следующих высказываниях:

“He was at this time in his late fifties, a tall, elegant man with good features and thick waving dark hair only *sufficiently greying* to add to the distinction of his appearance”; “...he should be on intimate terms with persons with whom their own relations had remained *strictly formal*” [107, 22].

Только зная определенные представления и вкусы, существующие в том или ином обществе, можно считать едва пробивающуюся седину оригинальной чертой внешнего облика человека. Точно так же понятие строго формальных отношений между людьми оказывается «нагруженным» в социолингвистическом плане, поскольку оно основывается на нормах или канонах поведения, условно принятых в обществе.

Выводы по 1-ой главе

Было установлено, что словосочетания типа: *cloudless sky*, *endless conversations*, *hopeless situation*, *helpless creature* и т.д. выражают отношения, существующие в экстралингвистической реальности.

В этом случае отсутствие признака, указанного основой прилагательного, является не только возможным, но и вполне обычным для данного языкового коллектива.

Именно этим объясняется регулярная воспроизводимость подобных словосочетаний, и, следовательно, можно сделать вывод о том, что они не создаются каждый раз заново говорящим, а привносятся им в речь в готовом виде.

Словосочетания на семантическом уровне, как правило, относятся к нейтральному стилю речи, что существенно отличает их от стилистически окрашенных метасемиотических образований.

Основным признаком последних является то, что при их образовании естественные связи предметов и признаков оказываются просто материалом, причем материалом, используемым не по прямому назначению, поскольку они нарочито сталкиваются друг с другом и искусственно объединяются для достижения определенных стилистических эффектов, т.е. для придания высказыванию разнообразных экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов».

В основе метасемиотических словосочетаний почти всегда лежит известный перенос значения или метафора.

Так, *merciless man* – беспощадный человек представляет собой словосочетание на семантическом уровне: в нем отражена естественная связь между предметами мысли, экстралингвистически компоненты данного комплекса вполне совместимы.

Словосочетание *merciless hand* – беспощадная рука относится к метасемиотическому уровню, поскольку в данном случае тот же самый

признак – *merciless*, свойственный лицу, определяет существительное *hand*. Фактически, здесь имеется в виду рука беспощадного человека.

Словосочетание *merciless sky* – беспощадное небо является метафорой, основанной на сложном образе, который не обладает конкретной соотнесенностью с экстралингвистической реальностью.

Глава 2

Параметры определения фразеологизированного словосочетания

2.1. Просодическое оформление словосочетания, подверженное фразеологизации

Анализ словосочетаний на уровне фразеологических категорий осуществляется с помощью параметров (или критериев), позволяющих установить, в какой степени данное конкретное словосочетание наделено теми или иными общими свойствами.

Основным параметром категории коннотативности служит просодическое оформление словосочетания, позволяющее объективно установить наличие или отсутствие коннотаций. В теоретическом плане это предусматривает рассмотрение соотношения словосочетаний в письменном и устном вариантах языка.

Исследование, таким образом, переходит в область лексикологической фонетики, изучающей фонетические средства, с помощью которых реализуются семантические структуры лексем, а также присущие им ингерентные и адгерентные коннотации [50, 24]. Основная идея этого направления заключается в том, что потенциальные возможности реальных речеупотреблений полностью раскрываются только на уровне звучащей речи. Письменный текст дает лишь приблизительную, во многом условную картину того, что действительно выражается теми или иными лингвистическими средствами. В полном объеме текст проявляет свою онтологию только при его транспонировании из письменной формы в устную.

Последовательный просодический анализ различных словосочетаний позволяет сделать выводы, отражающие динамичную картину реального речеупотребления.

Так, например, становится очевидным, что особенности семантики словосочетания, тонкости его употребления в различных контекстах могут

вызывать значительные изменения в его просодической организации. Это, в частности, предполагает использование говорящим более выразительных и эмоциональных интонационных моделей.

Просодические средства – неровный тон, повышенная громкость, замедленный темп и расширенный диапазон – позволяют выделять слова в потоке речи. В следующих высказываниях насыщенные коннотациями приадективные усилители на метасемиотическом уровне (функция воздействия) требуют реализации целого ряда просодических параметров для выражения присущего им метасодержания:

|| Up 'on what \ grounds | may I ask? || 'Algernon is an ex \ tremely, | I may - almost | say an + | osten\tatiously + | eligible | young | man. ||
↑
lento

He has \nothing, | but he 1 looks .everything. || [107, 104]

|| 'Was it a | happy | childhood? || 'Yes. | \No. | It was an | ordinary | childhood. || With | such a | genius a | mongst you? || How 'awfully \ interesting. || She was no | different from | any of the | rest of ,us. || But she 'had been, | and so un'pleasantly, | as it | turned | out. || \ Really, + ex\traordinarily + interesting. || [104, 121].
↑
lento

В приведенных высказываниях *ostentatiously* и *extraordinarily* произносятся с высоким нисходящим тоном, при повышенной громкости и замедленном темпе. Это в совокупности выделяет их в составе соответствующих словосочетаний. Указанные слова образуют самостоятельные синтагмы, отчетливо различаемые путем ритмического анализа [51, 88].

Просодические характеристики *awfully* и *extremely* не вызывают существенных изменений в ритмической организации всего словосочетания. Данные усилители отличаются от *extraordinarily* и *ostentatiously* тем, что последние выступают как продуктивные образования на метасемиотическом уровне.

С точки зрения ритмического анализа awfully и extremely представляются семантически узуальными употреблениями, поскольку они составляют одну синтагму с определяемыми прилагательными.

2.2. Учёт коннотации фразеологизированного словосочетания при просодико-ритмическом анализе

Просодический анализ позволяет сформулировать целый ряд положений, имеющих большое значение при выяснении картины реального речеупотребления лингвистических единиц.

Одним из них является утверждение о том, что то или иное «десемантизированное» слово может оказаться в ситуации, требующей восстановления его прежней коннотативной способности. Для усилителей это будет означать возобновление их ингерентной коннотации, стершейся в процессе «чрезмерного» воспроизведения в речи. В этом случае необходима соответствующая просодия, максимально выделяющая данную языковую единицу в речевом потоке.

Однако при этом следует учитывать степень мотивированности значения того или иного усилителя, а также то, насколько он сохраняет эмоциональность и способность выполнять усилительную функцию.

Как уже отмечалось выше, с этой точки зрения рассматриваемые единицы могут быть представлены в виде «цепочки», где каждый следующий усилитель будет выражать более высокую оценку по отношению к предыдущему.

При просодическом и ритмическом анализе усилителя awfully (который оказывается типичным примером регулярно воспроизводимого образования на-ly на семантическом уровне) обнаруживается, что он не всегда является функциональным эквивалентом стилистически нейтрального very.

Например:

|| “ ‘You 'know • how ,people \ gossip,’ | I answered. || I was | vague- ly ,told | that | something was \ wrong.” ||

||“He’s \ bolted. || He’s \ gone off to ,Paris with a \ woman. || He’s \left ,Amy without a \ penny.” ||

||‘I’m+ \awfully ,sorry,” | I 'said, • not .knowing .what ,else to say. ||
 ↑
 lento

Исходя только из письменного текста, мы могли бы предположить, что перед нами употребление *awfully* в составе клишированного комплекса *awfully sorry*. Однако информация, полученная на основе просодического и ритмического анализа, предостерегает нас от поспешных выводов подобного рода.

Особенности контекста ситуации в данном случае требуют использования стилистически емких средств языка, которые могли бы передать эмоциональное состояние говорящего. Поэтому просодическая «выделенность» *awfully* представляется вполне правомерной.

На долю данного усилителя приходится вся эмоциональная нагрузка высказывания, поскольку *awfully* является единственным словом, ингерентно обладающим способностью выражения различных эмоций и настроений.

Аналогичная ситуация складывается также и в следующих случаях:

|| She 'struggled for • self-con \ trol | and I 'saw her | hands | clench and un |
 clench spasmodically. || It was | \ dreadfully \ painful ||
 ↑
 lento

|| \ Johnnie! He 'always • came • back to \ Johnnie. || \ Johnnie, com – 'pletely
 \innocent | 'utterly | free . from ,all the • network of sus .pi-
 ↑
 lento

cion and intrigue, | but Vnevertheless the 'pivot • round • which 'everything turned. || [105, 108].

В приведенном высказывании слово *dreadfully* произносится со средним падающим тоном при повышенной громкости и замедленном темпе.

Идентичный ритмико-интонационный рисунок *dreadfully* и *awfully* (в предыдущем примере) указывает на тот факт, что данные усилители функционально эквивалентны и по объему выражаемого ими

метасодержания стоят в одном ряду. Это следует учитывать при лексико-фразеологической интерпретации.

В случае *completely innocent* и *utterly free* мы сталкиваемся с конденсацией усилителей. Повторение однородных членов предложения ритмически оформляется как последовательность высоких ровных тонов.

Completely выделяется в предложении посредством замедленного темпа, в то время как *utterly* произносится с повышенной громкостью.

| ...com'pletely \ innocent, | 'utterly | free • from... |

На основании представленных иллюстраций можно заключить, что звучащая речь позволяет установить степень реализации категории коннотативности в каждом конкретном случае. При этом исходным моментом является положение лексикологической фонетики, согласно которому каждое слово в соответствии с намерением говорящего и потребностями контекста ситуации может быть употреблено на метасемиотическом уровне либо путем возобновления (реставрации) некогда присущей ему ингерентной коннотации, либо посредством придания ему эмоциональной выразительности адгерентного переосмысления (на основе уже имеющегося значения).

Сложность метасемиотических словосочетаний, насыщенность их коннотациями требует соответствующего просодического построения с тем, чтобы их метасодержание приобрело адекватное выражение на уровне звучащей речи.

Принципы и методы лексикологической фонетики, применяемые при анализе приадективных форм на -ly, позволяют разграничить употребление слов на -ly в функции эмоционально окрашенных усилителей и в функции клишированных непродуктивных образований, эквивалентных стилистически нейтральным *very* и *quite*.

Так, в следующих контекстах *singularly* и *awfully* в составе соответствующих словосочетаний произносятся совершенно по-разному:

первое – как собственно усилитель – единица функции воздействия, второе – как устойчивый элемент непродуктивного комплекса:

I. || ...as I | came ,nearer | I | noticed that he • seemed 'singularly disconsolate. ||

II. || That's \awfully \good of you | – I 'wish you \ would. || [105, 106].

Единицы «малого синтаксиса» на семантическом и метасемиотическом уровнях получают соответствующее просодическое оформление, которое выражается в том, что семантические словосочетания являются просодически немаркированными частями высказывания, не нарушающими общего интонационного контура, в то время как метасемиотические образования выделяются различными просодическими средствами, Это способствует привлечению к ним внимания слушающего как к реме высказывания.

Таким образом, слово на -ly не выделяется в общем просодическом построении сочетания тогда, когда оно реализуется как узואльное образование на семантическом уровне.

Приадективный усилитель может быть также произнесен нейтрально, если данный экстралингвистический контекст не требует проявления его коннотативных способностей.

Однако, любой усилитель (включая единицы, находящиеся на грани частиц) может в соответствии с намерением говорящего при определенных обстоятельствах быть употреблен на уровне метасемиотическом с дальнейшей трансформацией во фразеологическое качество.

Представляется правомерным заключить, что онтология текста раскрывается полностью только тогда, когда имеется возможность проследить развитие его действительного и потенциального содержания на уровне звучащей речи.

2.3. Внутренняя форма фразеологизированного словосочетания

Категории коннотативности присущ также параметр внутренней формы словосочетания на метасемиотическом уровне, когда связь данного содержания сопрягаемых единиц и данного выражения мотивируется путем разных видов семантического переноса.

Так, например, *radiantly* в “His face was now radiantly serene” [104, 45], построенном по типу перенесенного эпитета, семантически относится не к качеству, обозначенному прилагательным, а к предмету – носителю признака.

Об этом свидетельствует возможность преобразования данного словосочетания в соединение двух прилагательных посредством сочинительного союза *and*: *radiant and serene face*.

Образ, лежащий в основе внутренней формы словосочетания, не только отражает отношения действительности, но и дает их оценку. Поэтому внутренние формы словосочетаний глубоко специфичны, индивидуальны, социально изменчивы и могут быть поняты только исходя из закономерностей развития семантической системы языка в целом [29, 12]. В следующих выделенных словосочетаниях, отличающихся ярким своеобразием, внутренняя форма – явление переноса эпитета – подтверждает их фразеологическую принадлежность к метасемиотическому уровню лингвистического анализа:

“...the coolly tender Anna who was for ever balancing the claims of her admirers one against another with the gentle impartiality of a mother”; “Poor thing. She was in for a bad time. How proudly beautiful she was!” [106, 114].

“Lena, ...had stopped crying and was now fiercely resentful” [104, 129].

Явно метафорическим характером [с приближением к фразеологическому качеству] отличаются также сложные сочетания типа:

unashamedly commercial port (“A seashore village almost pastoral, then a cluster of factories round an unashamedly commercial port.”) [106, 148];

yearningly pretentious hat (“...she wore a last year’s hat covered with violets no more yearningly pretentious and palpably artificial than herself.”) [104, 69];

notoriously Hamlet-like (“Artists, of course, were notoriously Hamlet-like, and to this extent one must discount for one’s father, even if one loved him.”);

possessively irregular (“...he would often pass the door of the ‘Restaurant Bretagne’ without going in, and wander out of the purlieus of that region which always gave him the feeling of having been possessively irregular.”);

formidably jovial crowd (“He wandered thus one May night into Regent Street and the most amazing crowd he had ever seen: a shrieking, whistling, dancing, jostling, grotesque and formidably jovial crowd... .”) [107, 10, 24, 134];

elaborately unmaternal (“‘He’s all right,’ Mrs. Dersingham screamed in reply, elaborately unmaternal, as usual.”);

dreamily content (“...though no possible girls came within sight, he felt dreamily content”) [105, 114, 143];

half-conventionally-beautiful focus (“She would be the half-conventionally-beautiful focus of a thousand decisions and compromises.”);

unexpectedly carnivallike (“She was in a checked black-and-white robe that – at least to me – had something unexpectedly carnivallike about it... .”);

curiously dead (“Bobby and Lewis were plowing away at water that looked curiously dead, after the rapids.”) [106, 48, 116, 181].

В целях бóльшей художественной выразительности словосочетания используются как средство достижения экспрессивности, Это нередко влечет за собой усложнение их семантической структуры. В приведенных высказываниях переосмысление значения [метафорическое, фразеологическое] слов на -ly может быть объяснено их метасемиотической транспозицией.

На метасемиотическом уровне свободно реализуется стилистическая фигура оксюморон, включающая словосочетания, построенные вопреки нормам понятийной сочетаемости и обладающие нулевой мотивированностью в плане экстралингвистической действительности.

Подобные образования объединяют естественно не сочетаемые предметы мысли («things-meant»), т.е. понятия, часто по своей природе

антонимичные. При этом достигается максимальная расчлененность словосочетания, которое уже не характеризуется глобальностью – свойством быть направленным на объект в целом.

Например:

“He was pleasantly cynical and gave me the impression that... [104, 191].

“He liked a boy to be conscientious with his work, but this one was too dolefully dutiful“; ...and then she passed underneath, accompanied by cheerfully impudent tugs, and after... .” [107, 144].

Слова на -ly в составе метасемиотических словосочетаний, обладающих внутренней формой, уже не являются просто усилителями качества, выполняющими служебную функцию, а выступают как полнозначные единицы, равные по объему выражаемой ими информации определяемому прилагательному.

Основными параметрами категории клишированности служат параметр неидиоматической глобальности, т.е. направленности словосочетания в целом на объект, связанной с его способностью выступать в номинативной функции, и параметр употребительности – статистически определяемой встречаемости.

2.4. Номинация фразеологизированного словосочетания

Выражая единое, но расчлененное понятие или представление, словосочетание как особая синтаксическая единица характеризуется также способностью выступать в номинативной функции [52, 66].

Регулярно воспроизводимые образования, обладающие глобальностью номинации, приобретают устойчивость в языке и сближаются с отдельными словами и фразеологическими единицами как эквивалентами слов.

Параметр неидиоматической глобальности предполагает выяснение того, насколько семантически слитным, неразложимым является то или иное словосочетание, насколько глобально оно направлено на объект. Проблема реального использования параметра неидиоматической глобальности при

анализе фактологического материала, а также вопрос о том, в какой степени он может быть приложен к речевой действительности, ставят нас перед необходимостью разработки более конкретных приемов исследования. Это необходимо для выявления предрасположенности словосочетания к фразеологизации.

Так, своеобразным тестом глобальности номинации (клишированности) служит возможность соединения элементов словосочетания с выделительными частицами. В соответствии с этим, отсутствие клишированности, наибольшая расчлененность словосочетания становятся очевидными при употреблении в препозиции слова *quite*.

Например:

“They like to find us quite irretrievably bad and to leave us quite unattractively good; “Well, you couldn’t come to a more charming place than this, though the house is excessively damp, quite unpardonably damp” [104, 172].

Данные сочетания представляют собой окказиональные образования, обусловленные специфическим контекстом употребления. Они основываются на раздельном обозначении соответствующих сложных явлений «путем раздельной и непосредственной направленности на разные их стороны и признаки отдельных элементов данного сложного грамматического целого» [5, 48]. Слова на -ly, входящие в эти сочетания, являются полнозначными единицами, которые характеризуются семантической самостоятельностью и выделяются в составе словосочетания – единого комплекса – разрушая тем самым его глобальность.

В случае тесно спаянных сочетаний типа *duly grateful, absolutely impossible, indissolubly connected, sharply critical* и т.д. модификация такого рода (определение посредством *quite* в препозиции) невозможна, поскольку в речевых штампах преобладает общее, совокупное их значение при некоторой ослабленности значений частей. Поэтому подобные комплексы относятся к глобальным образованиям (маркированным членам категории клишированности).

Для категории клишированности релевантен параметр употребительности (регулярной повторяемости) словосочетания. В плане симптоматической статистики представляется возможным, на основе сплошного исследования определенного объема материала, приблизительно установить частотность употребления той или иной лингвистической единицы в речи на данном этапе развития языка (с последующим выводом о том, насколько регулярным является ее воспроизведение в соответствующих контекстах).

Разумеется, как и все остальные категории, клишированность и идиоматичность находятся в тесной взаимосвязи: они могут одновременно реализовываться в словосочетаниях либо в своем маркированном, либо в своем немаркированном варианте. При наложении на категорию клишированности категории идиоматичности выделение последней производится с помощью параметра идиоматической глобальности, т.е. невыводимости значения целого из значений частей.

Если рассмотреть такие достаточно ярко выраженные случаи клишированности, как *absolutely impossible*, *extremely important*, *particularly interesting*, *perfectly strange*, *utterly dark* и т.д., то можно заметить, что *absolutely*, *extremely*, *particularly*, *perfectly* и *utterly* в этих сочетаниях выступают в своих основных, вполне предсказуемых значениях [53, 231]. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что они свободно транспонируются в присубстантивную форму: *absolute impossibility*, *extreme importance*, *perfect stranger* и т.д.

Хотя устойчивые клишированные словосочетания, характеризующиеся глобальностью номинации, испытывают некоторое ослабление значения их компонентов, они оказываются лишенными каких-либо видов семантического преобразования фразеологического характера.

Например:

“I’ll be perfectly happy to do anything you want me to do... “I think so,’ I said, not wanting to appear too sure, but fairly sure”; “Lew and I hauled and

shoved with Bobby sitting in the bow with his face absolutely perfect as an expression of dead weight” [106, 232].

“...and now Turgis suddenly realized that that fact was tremendously important ” [107, 204].

В отличие от вышеприведенных в следующих словосочетаниях значения составляющих их слов оказываются обусловленными внутренними семантическими отношениями системы языка и не допускают автоматического преобразования этих сочетаний в соединение прилагательного с существительным:

“I was mortally afraid of anyone seeing her as absurd or pathetic, a defeated snob” [105, 216].

“When I went out again, it was drizzling and miserably cold and damp”; “The fog was not very thick, but it was wretchedly cold damp stuff that made people shiver” [104, 119]

“A badly hurt man is not going to want to fight through the bushes”; “...and I was out of breath on the ground hurt badly...” [106, 211].

Параметрами категории концептуальной полноценности являются:

1) соответствие содержания, действительно выражаемого данной лингвистической единицей, некоторому логически мыслимому содержанию и

2) соответствие данного концептуально-логического содержания экстралингвистической ситуации.

Так, awfully на данной ступени развития английского языка функционирует в речи как разговорное клише, лишенное собственного семантического содержания, в то время как эмоциональный усилитель appallingly сохраняет свое лексическое значение, включая присущие ему коннотации, и, соответственно, не может рассматриваться в одном ряду с awfully:

I. || “It’s been 'awfully • good of you to | come \ down as you Vhave | and 'try to \help us.” || [107, 86].

II. || “They have | nothing to • help \ with except their | company which is 'often ap \ pallinglly, dull.” || [104, 170].

↑
lento

Утрату собственного значения усилителями типа *awfully* можно показать на следующем примере.

Так, если в “ ‘I’m afraid I must go at once,’ he said at last. ‘I shall miss all this awfully’” – *awfully* действительно означает «ужасно», «страшно», то в “She must be awfully lonely in that wretched little flat” – *awfully* сохраняет лишь отрицательную коннотативную окраску и является просто усилителем (*intensifier*).

В сочетании *art awfully jolly place* в “Cousin Jolyon’s got an awfully jolly place. I went down there with Uncle Soames...” *awfully* выступает в своем концептуально немаркированном варианте как эквивалент стилистически нейтрального *very* [54, 60].

Постепенная утрата словом на -1у его логически мыслимого содержания может быть также прослежена на следующих примерах:

1) “At eighty-eight he was still organically sound, but suffering terribly from the thought that no one ever told him anything” [107, 110].

2) “Whatever happened to you, Priscilla was terribly upset”.

3) “You will write to me then, Bradley? I’m so terribly grateful.” [104, 40, 67].

Усилители типа *especially*, *particularly* или *extremely* являются единицами эмоциональной лексики. Однако, поскольку они обусловлены социолингвистически (имеется в виду тенденция к завышенной оценке, благодаря которой слова данной категории приобрели регулярную встречаемость), они автоматически воспроизводятся в речи и теряют часть своего концептуального содержания в составе таких узуальных комплексов, как *extremely interesting*, *particularly important*, *especially proud* и т.д.

Напротив, в следующих случаях экспрессивно-стилистическое значение слов на -1у предстает достаточно ярко. Логически мыслимое концептуальное содержание слов на -1у совпадает с содержанием, действительно

выражаемым в данных контекстах. Это делает их маркированными в плане категории концептуальной полноценности:

“While I was talking I looked him in the eyes, which was surprisingly easy to do”; “The work with the hands must be fantastically dangerous in all that fresh air and sunshine”; “...and behind my head the woods were unimaginably dense and dark...”; “...and for some reason or other I felt strangely moved ” [107, 40, 56, 79, 119.

В то же время те или иные лингвистические единицы, ингерентно обладающие способностью выражать дополнительные оттенки значения (эмоции, экспрессивность, оценку), могут в известном экстралингвистическом контексте (не требующем реализации в полной мере присущего им концептуального содержания) потерять свою значимость и стать элементами, не маркированными в плане категории концептуальной полноценности.

Так, например, в

|| ‘What you’ve done may be | frightfully .wrong theoretically, / Gregory, but 'fifty /soldiers and 'one destroyer \aren’t |going to ,save England from 'anarchy... . || [106, 129].

коннотативная способность *frightfully* (при выражении им негативной оценки) подвергается процессу редукции.

В случае *frightfully wrong* возможны две принципиально различные ситуации.

Так, если бы оно воспринималось буквально в данном контексте, являясь непосредственной реакцией говорящего на соответствующее действие, то, по-видимому, *frightfully* было бы употреблено здесь во всем объеме выражаемого им экспрессивно-стилистического значения, включая эмоциональные коннотации.

Использование таких просодических параметров, как высокий падающий тон, замедленный темп и повышенная громкость нарушили бы общее направление движения тона и способствовали бы выделению

frightfully в отдельную синтагму. Все это свидетельствовало бы о том, что данное слово на -ly как единица функции воздействия реализует присущую ему усилительную способность в полной мере и приобретает в этом контексте эмоциональную выразительность. А это есть проявление фразеологичности.

Тем не менее, действительная ситуация складывается таким образом, что коннотативная способность рассматриваемой единицы подвергается процессу редукции, поскольку здесь говорящий лишь повторяет слова другого персонажа. Поэтому все атрибутивное словосочетание *frightfully wrong* является уже не непосредственной реакцией его (говорящего) на ситуацию, а транспозицией второго порядка. В соответствии с этим *frightfully* не выделяется в отдельную синтагму, а вписывается в общее ритмико-интонационное построение:

|| 'What you've done may be | frightfully .wrong theoretically, 'Gregory... . ||

Подобные тонкие нюансы значений зависят от намерения говорящего, поэтому сочетания слов должны изучаться в тесной связи с особенностями их просодического оформления.

Параметром категории социолингвистической обусловленности служит фоновое знание – обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, лежащее в основе языкового общения.

Так, например, английское *solidly pre-war building* в “He looked around the restaurant. Downstairs they had tarted it up but here it was solidly pre-war” [105, 166] не будет нести никакой информации для человека, не знакомого с экстралингвистическим контекстом, в частности, с тем, как должно выглядеть здание, построенное до той войны, которую имел в виду автор.

Другой пример: следующие словосочетания могут быть поняты только исходя из знания того, что представляют собой типичный американец и истинный англичанин, а также что подразумевается под английским чувством юмора:

“At sixteen he had lived almost entirely within himself, an inarticulate boy, thoroughly un-American, and politely bewildered by his contemporaries” [105, 179.]

“He was such an unemotional man. He was so very normal. So essentially British” [107, 206].

“And the Englishman had had a notably un-English sense of humour” [104, 36].

Для того, чтобы вникнуть в содержание образований fashionably appointed voice в “‘Your father,’ she said in her fashionably appointed voice while her fingers plucked rather pitifully at sea-green brocade” [107, 106] и fashionably disguised anxiety в “She thought he was a very good set. She added with fashionably disguised anxiety: ‘Will there be much publicity about my affair, Soames?’” [107, 167] нужно знать, что в английском светском обществе той эпохи было принято в разговоре отчетливо произносить каждое слово, а также считалось неприличным выставлять свои чувства напоказ. По-видимому, именно с этим связаны представления об эмоциональной сдержанности англичан, придерживающихся старых традиций и норм поведения.

Словосочетание entirely professional wars в “...since then the many little wars of the British Empire had been entirely professional” [107, 216] оказывается необходимо соотношенным с определенным объемом фонового знания, так как здесь речь идет о том, что в период экспансии британского империализма колониальные войны велись профессиональными регулярными войсками без объявления мобилизации.

Заканчивая обзор категорий и параметров словосочетания, предложенных нами в качестве основы для решения проблем коллокации, мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что фразеологическая категоризация не должна рассматриваться как система несообщающихся подразделений. Весь смысл работы в этой области заключается в том, чтобы

к каждому словосочетанию можно было бы последовательно применить все указанные выше мерки.

Конечно, разясняя данные таксономии, задача состоит в том, чтобы выделить те словосочетания, которые наиболее ярко и прямо раскрывают их природу. Но при этом следует постоянно иметь в виду (и это обстоятельство нами неоднократно отмечалось), что для выражения каждой категории всегда существуют наиболее ясные случаи (экстремальные возможности), с одной стороны, и бесконечное многообразие реальных речупотреблений, с другой.

Чтобы проиллюстрировать, как следует анализировать промежуточные случаи, приведём несколько более сложных примеров, которые, в частности, включают следующие словосочетания:

1) “Funny, bawdy, harshly truthful yet poetic, they announce a new talent of the first order” [104, 167].

2) “It was bitterly unfair - jolly low-down on a fellow to give him a ‘bounder’ for father” [106, 161].

3) “There was a sort of kindness in him, a sort of gentleness, but he was so mortally dull he nearly killed me” [105, 211].

4) “But when Mrs. Smeeth was quietly polite to him, it meant that for once she had really hardened her heart” [107, 188].

5) “It is only these strictly modern young ladies, who live their own life by pounding a typewriter all day...” [104, 11].

6) “I do think you’re beastly rude to little Miss Sellers” [104, 119].

7) “...and both Pelumptions were convinced that he had been uproariously drunk on the previous night” [107, 216].

8) “..., that you would be insufferably dull if you answer her question” [107, 11].

9) “That did not matter either, for only now and then did he feel really hungry” [106, 133].

10) ““Oh, I’m glad about that, Mr. Dersingham,” said Mr. Smeeth, greatly relieved” [105, 190].

Выводы по 2-ой главе

Наибольшую трудность представляет проблема того, что нужно понимать под категорией социолингвистической обусловленности словосочетания. Имеется ли в виду просто фоновое знание экстралингвистического свойства или же здесь речь идет об общем направлении отношения или оценки со стороны данного языкового коллектива.

Так, возникает вопрос, можно ли считать, что *quietly polite* является только сочетанием двух слов, имеющих мелиоративную окраску в плане оценочной коннотации. Не правильнее ли будет сказать, что для англичан соединение спокойного, корректного поведения с понятием о вежливости экстралингвистически оправдано?

Точно так же резко пейоративное *beastly*, которое естественно (клишировано) сочетается с *weather* (*beastly weather*) оказывается по экстралингвистическим причинам закономерно соединенным с *rude* (*beastly rude*).

Uproar определяется как *noisy and exciting tumult*, отсюда *uproarious welcome*, *uproarious laughter*. Однако картина, которая создается в случае *uproariously drunk*, несколько не противоречит реальной ситуации, нередко возникающей в экстралингвистической действительности.

На вопрос о том, укладываются ли *mortally dull* и *insufferably dull* в систему социально обусловленных понятий, следует, по-видимому, также ответить положительно (люди могут невыносимо скучать, если они достигли достаточно высокого уровня материального благосостояния, обеспечивающего их досуг). В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть, что анализ реальных речеупотреблений сопряжен с целым рядом трудностей и не предполагает неизменно четкого разграничения маркированных и немаркированных членов установленных противопоставлений.

Таким образом, анализ приадективных слов на -ly как предмета фразеологии (в составе словосочетания) показал, что категориальный подход

к их изучению позволяет установить языковую природу этих образований, а также сделать определенные выводы относительно выполняемой ими функции на основе их реального речеупотребления.

Приадективные усилители представляют собой динамичную (а не застывшую) категорию лингвистических единиц, которые обладают способностью функционального варьирования в широких пределах: начиная с функции полнозначных семантических единиц (units of full meaning) в составе метасемиотических словосочетаний до стилистически нейтральных образований в служебной функции выделительного элемента, включенных в устойчивые глобальные комплексы на уровне семантическом.

Глава 3

Взаимодействие фразеологических категорий в словосочетании

3.1. Коннотативность и клишированность во фразеологизации словосочетания

Выделение основных фразеологических категорий в наиболее общем виде требует пристального внимания к анализу конкретных речеупотреблений. Сделанные теоретические обобщения должны быть проверены на практике, приложены к языковому материалу – только в этом случае можно установить их правильность, а также научную значимость для изучения различных словосочетаний.

Используя данные категории как основу работы в этой области, необходимо продемонстрировать те приемы и методы, которыми следует руководствоваться при сопоставлении общетеоретических таксономий, с одной стороны, и различных высказываний – с другой.

Как уже было сказано, одним из важных принципов анализа лингвистических единиц на уровне словосочетания является рассмотрение «цепочки» речеупотреблений, отражающей различную степень реализации словосочетаниями той или иной категории. Отсюда возникает необходимость проникновения вглубь процесса постепенного накопления словосочетаниями категориальных признаков.

В соответствии с этим языковой материал должен располагаться в определенной последовательности между минимальным и максимальным проявлением лежащего в основе данного противопоставления свойства.

Методика подобного анализа может быть наилучшим образом показана на примере категорий коннотативности и клишированности. Как известно, вопрос об отнесении сочетания к семантическому или метасемантическому уровню лингвистического исследования имеет первостепенное значение при изучении словосочетаний в различных стилях и регистрах речи.

Поэтому именно эти категории как наиболее важные в системе фразеологических таксономий были избраны для показа возможностей принятого метода.

При рассмотрении соотношения категорий следует отметить, что свойство клишированности, предполагающее регулярную воспроизводимость тех или иных образований в речи, оказывается тесно связанным с категорией коннотативности. Мы уже имели возможность убедиться в том, что коннотации, стилистические обертоны, присущи, в основном, словосочетаниям окказионального характера.

Иначе говоря, данная категория реализуется наиболее полно в тех случаях, когда мы имеем отрицательную клишированность. В то же время немаркированный член категории клишированности (вновь созданное образование) именно благодаря своей новизне (а нередко и неожиданности) неизбежно содержит элемент стилистической отмеченности, что обуславливает его коннотативную окраску.

Таким образом, можно утверждать, что максимальное развитие свойства коннотативности предполагает минимальную реализацию клишированности и наоборот.

Это общее положение, верное для большинства словосочетаний, наиболее удобно проиллюстрировать на примере усилителей, которые теряют ингерентно присущую им коннотативность по мере их регулярного воспроизведения в речи в составе тех или иных комплексов.

С целью раскрытия диалектического взаимодействия категорий коннотативности и клишированности приведем примеры, подтверждающие тезис о том, что в целом ряде случаев положительная коннотативность соответствует отрицательной клишированности. Словосочетания располагаются по цепочке, показывающей градацию, процесс: нарастания рассматриваемых свойств.

Первая группа включает усилители типа *jolly*, *perfectly*, *frightfully*, *dreadfully* и т.д. Как известно, подобные слова начинают все более и более

входить в моду и становятся общеупотребительными. Это приводит к образованию разговорных клише, которые вводятся в речь как готовые штампы. Не случайно персонажи, представляющие молодое поколение, вполне естественно, почти автоматически используют их в самых различных ситуациях. Например:

(Mrs. Val Dartie - Michael Mont)

“How is Fleur?” said Michael’s neighbour.

“Thanks, awfully well”

“Do you like your house?”

“Oh, fearfully. Won’t you come and see it?”

“I don’t know whether Fleur would – ?”

“Why not?”

“Oh! Well!

“She’s frightfully accessible” [107, 154].

(Fleur Mont – Wilfrid Desert)

Fleur read. Flushing and biting her lips, she said: “It’s frightfully bitter”

“It’s frightfully true. Does he ever ask you now whether you see me?” [107, 160].

(Mr. Danby – Wilfrid Desert)

“To make no distinction between honesty and dishonesty would be quite unfair. You know that perfectly well”.

“I don’t know anything perfectly well, Mr. Danby, and I mistrust those who say they do” [107, 177].

Michael Mont: “It’d be a jolly good lesson to the rest of the world, wouldn’t it? Luckily the other continents are far off each other” [107, 179].

Особый интерес представляют концептуально необоснованные образования типа *awfully nice*. Высокая степень клишированности словосочетания приводит к окончательной утрате усилителем не только его собственного концептуального содержания, но и присущей ему коннотативной окраски (в данном случае отрицательной).

Например:

“Thanks, old man, awfully good of you – will you bob in, then?; ‘I’m very glad. He said in his letter that he’s awfully happy”; “Oh, yes, Jack says we mustn’t hoard. He’s fearfully patriotic; “Did this terribly interesting looking girl know about the snooping?; “Keep up with them, keep up with every thing, of course! It was all frightfully amusingfrightfully necessary!” [107, 191].

3.2. Социолингвистическая обусловленность во фразеологизации словосочетания

Хотя нашей основной целью является показ взаимодействия категорий коннотативности и клишированности как наиболее важных обобщений в системе фразеологических таксономий, мы не можем также не отметить развития некоторых сопутствующих свойств и признаков словосочетания, рассматриваемых в терминах других категориальных противопоставлений.

Так, из приведенного материала становится ясным, что регулярная воспроизводимость в речи единиц типа *awfully nice*, функционирующих как концептуально неполноценные образования, является результатом действия социолингвистических факторов.

Подобные словосочетания становятся социолингвистически обусловленными: получившая развитие тенденция к более эмоциональному выражению делает усилители необходимыми элементами в контексте речевого сообщения. Таким образом, в данном случае концептуальная неполноценность словосочетания соотносится с ярко выраженным свойством социолингвистической обусловленности.

Просодическое оформление высказывания выступает здесь как действенный критерий, на основании которого можно сделать заключение о коннотативности (или неконнотативности) того или иного сочетания. В данном случае (*awfully nice*) нейтральная просодия указывает на стилистически неотмеченный характер образования. Параметр неидиоматической глобальности, релевантный в плане категории

клишированности, позволяет установить нерасчленимость вышеприведенных словосочетаний, их направленность на объект в целом. Поэтому подобные единицы не могут определяться частицами типа *quite* в препозиции. Нельзя сказать «I am quite awfully sorry», «It was all quite frightfully amusing» и т.д. Такое включение нарушило бы глобальный характер комплекса.

Следующие высказывания содержат словосочетания, в состав которых входят усилители объективной оценки.

Например:

“She took the hand, but could not speak. If this lady were going to stay, it would be utterly impossible”; “Soames was silent. The argument was specious. Entirely unjust, of course, that he should be penalised for what Elderson had done!”; “...and to be thoroughly busy with practical matters suited her” [107, 127].

Особенностью подобных речеупотреблений является то, что сравнительно небольшая степень их коннотативности оказывается не только обусловленной относительной клишированностью данных единиц, но и тем, что они лишь констатируют тот или иной факт, не внося при этом эмоционального момента. Однако и здесь возможны различные градации, переходы от менее коннотативных словосочетаний к более стилистически окрашенным образованиям.

Так, просодическое оформление следующих усилителей объективной оценки (выражающих значение чрезмерного проявления качества) указывает на то, что они функционируют как стилистически маркированные единицы:

|| At 'last | Michael reap\peared. || He | looked ex\ceedingly ,grave; ||
↑
lento

|| 'Fleur's | presence at \week-ends with the e/leventh \ baronet was ex'tremely a\greeable to him. || [107, 209].

В отличие от вышеприведенных словосочетаний усилители типа *appallingly*, *wonderfully* и т.д. совершенно определенно выражают отношения, связанные с эмоциональными ассоциациями и переживаниями говорящего. Наличие здесь элемента индивидуальной реакции говорящего на ситуацию

ограничивает возможность употребления заранее созданных, регулярно воспроизводимых клише. Это приводит к появлению оригинальных словосочетаний, способных в полной мере выразить те эмоционально-экспрессивно-оценочные коннотации, которые сопутствуют передаче собственно информативного содержания и входят вместе с ним в смысловое задание высказывания.

Например:

“Fleur sat down, she felt weak in the legs. The ice seemed suddenly of an appalling thinness – the water appallingly cold”; “A shadowy figure with a decent sad face stood beside the statue of Australia, so depressingly abundant“;” It’s just right,” said June, ‘delightfully artificial. Harold will love it’; “The silver-coloured carpet felt wonderfully soft beneath his feet, the furniture was of golden wood” [107, 45].

Данные усилители легко вычленяются в составе соответствующих групп слов, поскольку они представляют собой концептуально полноценные единицы. Создается своего рода равновесие между смысловой нагруженностью определения и определяемого, в результате которого словосочетание теряет глобальность – свойство быть направленным на объект в целом.

Возрастание коннотативности оказывается обусловленным исчезновением признаков клишированности. Стилистически маркированный характер словосочетания особенно ощущается в первом примере, где повтор *appalling – appallingly* служит средством усиления экспрессивности.

По мере возрастания коннотативной способности словосочетаний, сопровождающегося разрушением их глобальности, постепенно усложняется и семантическая структура образований. Это связано, в первую очередь, с использованием целого ряда стилистических приемов, с помощью которых говорящий достигает желаемого эффекта.

Так, в случае следующих речеупотреблений мы имеем дело с гиперболой – подчеркнуто усиленным выражением качества:

“Two cats were standing in the light of a lamp – narrow, marvelously graceful, with their beards turned towards each other”; “She took no interest, however, occupied, like a woman with her bazaars and jam-making, ...and in spite of her tendency to put on flesh, still remarkably handsome”; “It’s bucked me up like anything. Norah Curfew’s perfectly splendid” [107, 211].

Эффект гиперболизации качества основан здесь на сочетании слов, совпадающих в плане передаваемого ими оценочного содержания (в данном случае положительного). Происходит конденсация коннотации, что способствует наиболее полной реализации функции воздействия.

Определенный интерес в этом отношении представляет и словосочетание *naturally realistic nature* в “His naturally realistic nature apprehended all the suggestions that lay in breakfast” [107, 171], где намеренное сведение в пределах одного образования двух однокорневых слов также подчинено целям усложнения выражаемого им коннотативного значения.

3.3. Концептуальность фразеологизированного словосочетания

Избранное направление исследования постепенно подводит нас к анализу словосочетаний метасемиотического уровня – сложных образований, обладающих внутренней формой.

Метасемиотические речепотребления выступают как средство или прием более сжатого, конденсированного обозначения совокупности явлений или процессов объективной реальности.

Если значение слова служит отображением соответствующего объекта, то лингвистические единицы в сфере метасемиотики используются именно как знак, включающий в себя гораздо более широкий ситуативный контекст.

В подобных случаях высказывания приобретают условный характер: они уже не могут рассматриваться как непосредственно направленные на действительность, а представляют собой вторичные образования, подвергшиеся переосмыслению в соответствии с намерением говорящего.

Одной из наиболее распространенных стилистических фигур, широко используемых на метасемиотическом уровне, является оксюморон [56, 20], о чем уже говорилось выше.

Следующие словосочетания легко распадаются на элементы, имеющие противоположное значение:

“Her greeting of him was elaborately casual”; “In the fortnight before her departure he suffered and kept smiling, wryly thankful that she was behaving ‘like a kitten’, as her father called it” [107, 139].

В большинстве словосочетаний наивысшее проявление свойства коннотативности можно объяснить отсутствием или ослаблением признаков клишированности и наоборот.

Однако возникает вопрос: всегда ли эта закономерность подтверждается в реальной действительности речи? В этой связи прежде всего следует указать на возможность оживления клишированных комплексов, когда контекст ситуации способствует восстановлению ранее присущей им коннотативности. Одним из способов создания подобного эффекта является образование словосочетаний, отличных от уже существующих, более привычных речеупотреблений.

Например, *uncommonly better* в “‘Copper Coin’ had done *uncommonly well*. Its successor would probably do *uncommonly better*” [107, 188] характеризуется меньшей глобальностью и, соответственно, большей стилистической маркированностью по сравнению с *uncommonly well*.

Это происходит не только потому, что здесь имеет место повтор усилителя *uncommonly*, но и вследствие относительной необычности самого словосочетания. Таким образом, в данном случае последнее находится как бы на грани двух категорий.

Наблюдается и обратный процесс – коннотативно маркированные речеупотребления постепенно утрачивают свою экспрессивность по мере их регулярного воспроизведения в речи.

Так, усилитель *extraordinarily*, обладающий ярко выраженной стилистической окраской, теряет часть присущих ему экспрессивных свойств в составе устойчивых образований типа *extraordinarily difficult* или *extraordinarily interesting*.

Например:

“Extraordinarily difficult to upset anything so vast, intricate, and elastic as a nation’s life”; “Really, her sallow, large-eyed face, with its dead-black bobbed, frizzy-ended hair, was extraordinarily interesting” [107, 341].

Здесь также отмечается «пограничный характер» словосочетания,, поскольку оно уже не может считаться полноценным представителем метасемиотических коннотативных речепотреблений, но еще не стало достаточно устойчивым, чтобы рассматриваться в одном ряду с такими клишированными комплексами на семантическом уровне, как *perfectly well* или *jolly good*.

Аналогичная ситуация имеет место и в случае потери метафорическими словосочетаниями своей оригинальности, выразительной свежести и связанного с ними коннотативного значения. Этот процесс приводит к появлению так называемых узуальных метафор, которые, тем не менее, отличаются своей стилистической отмеченностью от абсолютно нейтральных словосочетаний.

В качестве примера можно привести образование *once in a blue moon*, сохраняющее, несмотря на узуальность, определенную коннотативную окрашенность. Это становится особенно ясным при сопоставлении его с нейтральным *very (most) rarely*. Однако этот вопрос соприкасается со сложной проблемой фразеологически связанных значений, формируемых у устойчивых словосочетаний.

Итак, можно заключить, что, хотя положительная коннотативность наиболее естественно соотносится с отрицательной клишированностью, имеется целый ряд случаев, когда процесс стирания коннотативных оттенков, а также явление оживления клишированных словосочетаний приводят к

возникновению сложных речупотреблений, находящихся на грани данных категорий.

Следуя принятой в исследовании методике, представляется целесообразным обратиться теперь к анализу тех сложных отношений, которые возникают при взаимодействии категорий коннотативности и идиоматичности.

Казалось бы, этот вопрос не должен вызывать никаких трудностей, поскольку понятие идиоматичности всегда связывалось с непродуктивными, фразеологически несвободными образованиями, обладающими определенной экспрессивной окраской. Действительно, в языке существуют подобные единицы, которые представляют собой почти столь же немотивированные (условные) речупотребления, в какой степени эти свойства обычно приписываются значениям отдельных слов. В большинстве случаев они используются в стилистических целях, составляя неотъемлемую особенность художественной литературы – регистра, в котором ведущая роль отводится функции воздействия.

Так, идиоматичностью характеризуется сочетание *the gathering shadows*: “Among the gathering shadows, his resolve hardened” [107, 116], которое выражает содержание, отличное от буквального значения его компонентов.

В целом ряде случаев свойство идиоматичности предполагает переосмысление только одного какого-либо члена словосочетания. При этом словосочетание становится менее глобальным и приобретает большую мотивированность выражаемого им семантического содержания.

Например, при рассмотрении *unpleasantly green memories* в “Memories of that lunch, and of his visit to June, were still unpleasantly green” [107, 147], обнаруживается, что только один его компонент [а именно прилагательное *green*] реализует здесь не прямое номинативное, а фразеологически связанное значение, оказываясь соединенным с существительным *memories*.

Общая семантическая структура образования становится менее условной.

Точно так же a promising speech в “The Morning Post picked out three imperial bits, prefaced by the words: ‘In a promising speech’” [107, 192], воспринимается не как «речь, полная обещаний», а как «перспективное выступление, которое было положительно оценено публикой».

Известный элемент переосмысления имеется и в сочетании catching word:

“Birdigal must have written it in horror of some one calling it ‘Vocal’. Vocal! Fleur knew how” catching the word was, ...” [107, 229].

В данном случае буквальное значение глагола to catch – “ловить” – лишь предопределяет значение образования на ing – “привлекательный”, “заманчивой” [102, 516; 103, 1021].

Прослеживая постепенное обратное развитие категории идиоматичности [при котором наблюдается разрушение свойства идиоматической глобальности и соответственно возрастание возможности выводимости значения целого из значений его частей] мы подходим к анализу образований, являющихся идиоматичными лишь постольку, поскольку они отражают в своей семантической структуре специфические особенности английского языка [7, 166-167].

Например:

A determined character в “Wealth made out of jute, a rising Parliamentary repute, powerful physique, and a determined character, had not advanced sir Alexander’s claims so much as the withdrawal of her allowance advanced them in a single night” [107, 342] и

sweeping measures в “...we may bring in some sweeping measures that people will swallow before they know what they’re in for” [107, 444], все-таки обладают некоторой условностью.

Поэтому они обычно особо упоминаются и разъясняются в словарных статьях.

В то же время эти словосочетания не являются коннотативными образованиями (каким, в частности, было gathering shadows в рассмотренном

ряду единиц) и максимально приближаются к уровню семантических речеупотреблений, реализующих функцию сообщения.

Связь полифункциональных образований *determined* и *sweeping* со значениями соответствующих глаголов (*to determine* – определять, устанавливать, решать и *to sweep* – охватывать) также приобретает более естественный характер.

При рассмотрении соотношения фразеологических таксономий определенным интересом представляет взаимосвязь категорий концептуальной полноценности и социолингвистической обусловленности.

В своих маркированных реализациях эти свойства взаимоисключают друг друга, поскольку через них как бы проходит граница между словосочетаниями, основанными на физическом и общественно-социальном накопленном в обществе опыте.

Отсюда мы имеем противопоставления типа

high hills | *truly English pragmatism*, жаркий день | общественная работа и т. д.

Точно так же, сопоставляя *dangerously ill* в “*There’s nothing, of course, except some visits to a young American dangerously ill of pneumonia at his hotel*” [107, 317] и *dangerously provincial* в “*My dear, you’re dangerously provincial*” [107, 297], выясняется, что словосочетание “опасная болезнь” не обусловлено непосредственной связью с общественной жизнью, в то время как сочетание “опасно провинциальный” – социально маркировано, так как оно отражает условия совершенно особого социального окружения [15, 440].

В ряде случаев отмечается параллельное развитие данных категориальных свойств, когда те или иные употребления строятся с учетом реальной совместимости обозначаемых предметов мысли (*things meant*) и в то же время являются зависимыми от социолингвистических факторов.

Так, словосочетание *inexhaustible wealth* в “*In one of Anglo- American birth, inexhaustible wealth, unimpeachable widowhood and catholic taste, the word hostess had found its highest expression*” [107, 304], с одной стороны, вполне

определенно соотносится с лежащим в его основе понятийным фоном, а с другой – оказывается обусловленным общественно осознанными представлениями о неисчерпаемом богатстве.

Анализ категорий концептуальной полноценности и социолингвистической обусловленности становится особенно важным при рассмотрении различного рода устойчивых узуальных образований.

В этой связи необходимо отметить, что, с одной стороны, регулярную воспроизводимость в речи приобретают, например, некоторые комплексы, отражающие естественную связь реалий объективной действительности, такие, как *unoccupied space, closed windows, lighted shops* и т.д.

С другой стороны, имеются концептуально необоснованные реализации, предполагающие известный социальный фон.

Особенно ярко это проявляется в нижеследующем примере, где полная семантическая опустошенность *awfully* свидетельствует о том, что данный элемент употреблен в сугубо фатической функции:

“It was not a pleasant sensation – to see Holly, and she said: ‘How awfully nice of you to come’” [107, 312].

Все высказывание направлено на создание определенного стилистического эффекта. Он достигается благодаря противопоставлению таких свойств словосочетания, как концептуальная полноценность и социолингвистическая обусловленность: В вышеприведённом контексте произносимые слова приветствия лишь отдают дань обычной светской гостеприимности.

К таким речеупотреблениям наиболее применим термин «клише», «разговорный штамп» [17, 14-15].

Подобные образования лишены какой-либо понятийной основы и представляют собой абсолютно десемантизированные элементы, которые бессознательно, почти автоматически вводятся в речь говорящим [19, 57-58; 21, 216-217; 97, 100-101].

Углубленный анализ специфических особенностей различных словосочетаний позволяет сделать вывод о том, что его методика должна строиться не на автоматическом сопоставлении конкретных речеупотреблений и выделенных фразеологических категорий, а на детальном, по возможности более полном рассмотрении каждого случая в соответствии с поставленными целями и задачами. При этом необходимо иметь в виду, что данные лексико-фразеологической таксономии, отвлеченные от реальной действительности речи, имеют вполне определенное практическое значение.

Например, при обучении иностранному языку особенно важным становится анализ категорий коннотативности и клишированности, поскольку так называемые «авторские обороты», а также высказывания, отмеченные ярко выраженной экспрессивностью, не могут быть прямо использованы говорящим (пишущим) в естественных ситуациях повседневного речеупотребления. То же относится и к стилистически окрашенным идиомам, введение которых в текст, основанный на функции сообщения, т.е. имеющий целью передачу определенного объема интеллективной информации, неизбежно приводит к созданию стилистического эффекта. Поэтому при анализе языкового материала необходим общий [лексико-фразеологический таксономический] филологический подход, согласно которому во внимание должен приниматься широкий ситуативный контекст, особенно в тех случаях, когда речь идет о семантически и образно сложных словосочетаниях на метасемиотическом уровне.

Изучение формирования социального фона лексико-фразеологической таксономии также существенно для понимания закономерностей употребления различных словосочетаний. Отсутствие соответствующих знаний в этой области приводит к ошибкам и разного рода недоразумениям.

Информация экстралингвистического свойства, содержащая сведения об общей обстановке и конкретных реалиях, связанных с тем или иным

историческим периодом или характеризующих обстоятельства жизни отдельного языкового коллектива, оказывается необходимой и в практике художественного перевода.

Одним из важных принципов принятой методики является положение о том, что при изучении лингвистических единиц на уровне словосочетания следует учитывать процесс постепенного накопления словосочетаниями категориальных признаков, а также закономерные соотношения основных фразеологических таксономий. Анализ в этом плане позволяет более точно определить специфику каждого конкретного речеупотребления.

Итак, исходя из вышесказанного, можно заключить, что при изучении словосочетаний необходим развернутый комментарий, основывающийся на выделенных фразеологических категориях. Последние являются некоторым ориентиром, которому необходимо следовать, исходя из специфики каждого отдельного случая.

Иначе говоря, фразеологические категории не могут рассматриваться как застывшая система противопоставлений, поскольку важнейшей задачей исследования в этой области является именно развитие данной теории на основе анализа большого языкового материала.

Выводы по 3-ой главе

Анализ лексико-фразеологического содержания словосочетания предполагает учёт прежде всего таких категорий, как коннотативность, клишированность.

Используя данные категории как основу работы в этой области, необходимо продемонстрировать те приемы и методы, которыми следует руководствоваться при сопоставлении общетеоретических таксономий, с одной стороны, и различных высказываний – с другой.

Одним из важных принципов анализа лингвистических единиц на уровне словосочетания является рассмотрение «цепочки» речеупотреблений, отражающей различную степень реализации словосочетаниями той или иной

категории. Отсюда возникает необходимость проникновения вглубь процесса постепенного накопления словосочетаниями категориальных признаков. В соответствии с этим языковой материал должен располагаться в определенной последовательности между минимальным и максимальным проявлением лежащего в основе данного противопоставления свойства.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Словосочетание есть единица языка. Любая свободная грамматически организованная группа слов, изучаемая с точки зрения комбинаторики форм, классов и подклассов сочетающихся единиц, является словосочетанием. Между элементами словосочетания могут существовать любые из возможных синтаксических отношений.

Следует различать синтаксические отношения двух родов:

(а) внешние, определяющие синтаксическое положение единиц в большей структуре, т. е. характеризующие поведение составляющих сочетания в отношении самостоятельности или несамостоятельности занимаемых ими позиций в развернутой структуре (этот тип отношений является пространственно-позиционным);

(б) внутренние, характеризующие взаимосвязи элементов только внутри изучаемого конкретного словосочетания.

Внутренние синтаксические отношения, в свою очередь, подразделяются на различные типы:

(а) ряд, состоящий из связей, устанавливающих взаимоотношения между элементами словосочетания без уточнения их синтаксической функции; он включает весьма абстрактные синтаксические отношения и характеризуется четырьмя типами синтаксической связи: взаимозависимость – подчинение – сочинение-аккумуляция; этому ряду свойственны статусные отношения, ибо данные типы связи передают только соотношение единиц друг с другом, но не раскрывают их синтаксическую функцию;

(б) ряд, состоящий из связей, указывающих не только тип взаимосоотнесенности элементов, но также сигнализирующих синтаксическую функцию составляющих. Этот ряд пятиэлементен и образован следующими отношениями: предикативные – объектные – обстоятельственные – атрибутивные – экзистенциальные. Данному ряду

показательны отношения комбинаторные, так как их возникновение обусловлено комбинаторикой морфологических классов.

Характеристика по внешним [т. е. пространственно-позиционным] отношениям позволяет разделить все словосочетания на две группы – уницентрированные и полицентрированные в зависимости от того, один или большее количество элементов словосочетания способны установить синтаксические отношения с элементами большей структуры.

Характеристика по внутренним отношениям на основании связей как статусного, так и комбинаторного рядов позволяет разбить все словосочетания на две группы: ядерные и безъядерные, каждая из которых, в свою очередь, делится на подгруппы.

Зависимые элементы в ядерных словосочетаниях исчисляются в терминах второстепенных членов, так же, как и составляющие безъядерных предикативных словосочетаний, которые определяются в терминах главных членов.

В ядерных словосочетаниях тот элемент, который не проявляет своей синтаксической функции внутри данной структуры, идентифицируется как ядро.

На уровне синтаксических построений, т. е. в плане поверхностных структур, для структурной схемы словосочетаний понятие факультативной сочетаемости отсутствует.

Схема предложения как одна из разновидностей словосочетания на синтагматическом уровне, т.е. без супрасегментных элементов, рассматривается, как построение, образованное комбинацией четырех позиционно-самостоятельных членов: подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства.

Члены словосочетания могут иметь простую или сложную внутреннюю структуру. Сложные члены словосочетания; могут быть выражены вторично-предикативными образованиями, зависимыми предикативными единицами

[т. е. первично-предикативными структурами], и катенативными построениями.

Важнейший вывод исследования заключается в обосновании необходимости разграничения семантического и метасемиотического уровней лингвистического анализа, недопустимости объединения словосочетаний, принципиально различающихся в лингвостилистическом отношении, в одну категорию на основании их формального тождества.

Было доказано, что между *thoughtless man*, например, и *thoughtless cigarette* существует огромная разница, которая не позволяет рассматривать их как единицы одного порядка.

Исследование подтверждает, что проблема словосочетания является многоплановой, не допускающей однозначных решений. Тем не менее, при всей сложности вопроса, лингвисты в учении о словосочетании выдвинули целый ряд важнейших положений, позволяющих научно обосновать теорию словосочетаний как непредикативных номинативных единиц, обладающих способностью выражать цельные, хотя и сложные значения. Особое место в разработке всех этих вопросов занимает проблема непродуктивных единиц. В отличие от свободных, фразеологически связанные словосочетания включаются в речь как уже готовый материал. Изучение непродуктивных образований, характеризующихся идиоматичностью и фразеологической связанностью, привело к возникновению нового понимания процесса речи, которое потребовало обращения к проблеме «несвободы» говорящего, предполагающей выяснение факторов, обуславливающих сочетаемость единиц языка.

Важным в этом направлении является утверждение общественной природы языка, существования непосредственной связи лингвистических структур с процессами, происходящими в социальной действительности. Язык, таким образом, рассматривается социально-исторически, как одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система

оказывается средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п.

Для языкознания существенным моментом является определение правильного соотношения элементов продуктивности и непродуктивности в языке, разграничение слова и словосочетания, выяснение лингвистического статуса фразеологических единиц, формирование понятий идиоматичности и устойчивости.

Вряд ли нужно специально обосновывать тот факт, что применение тех или иных конкретных методик к языковому материалу требует тщательной оценки их в методологическом плане. Понятно, что конкретные методы могут быть самыми разнообразными в зависимости от задач исследования и особенностей изучаемых лингвистических единиц. Однако свидетельством их правильности во всех случаях остается их соответствие общим принципам научной методологии.

Основным положением с этой точки зрения является четкое разграничение эпистемологического и эвристического аспектов исследования. Онтология составляет основу избранной эвристики, т. е. той части научного процесса, которая имеет своим предметом отыскание способов познания, путей раскрытия сущности данного объекта действительности. Бытие явления характеризуется наиболее общими его свойствами, которые, будучи представлены в виде понятий, определяются как категории.

Процесс категоризации (т.е. отнесения данной лингвистической единицы к той или иной категории) осуществляется посредством особых «параметров». Параметр определяется как величина (value), характеризующая какое-либо основное свойство некоторого устройства или системы. Параметры (или критерии), относящиеся к эвристике словосочетания, охватывают частные признаки исследуемого предмета. При помощи параметров устанавливается, в какой степени тот или иной реальный объект наделен теми или иными общими свойствами, реализующими данную

категорию. Так, например, словосочетания могут быть более или менее фразеологически обусловленными, обладать различной степенью семантической насыщенности, информативности и т.д.

В этой связи необходимо заметить, что все основные категории (в той или иной степени) обязательно проявляются в каждом словосочетании. Так, социолингвистическая обусловленность сочетания реализуется как категория потому, что наряду с маркированными членами (сочетаниями типа социалистическое соревнование, общественная работа, непосредственно определяемыми данными формами общественных отношений) существуют «нулевые» случаи, т.е. такие, как, например, *white snow* или *blue sky*. Иначе говоря, применение категориального подхода не ограничивается только маркированными членами соответствующих оппозиций.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что лингвистические единицы на уровне словосочетания характеризуются сложными семантическими отношениями составляющих их частей и не могут рассматриваться в отрыве от факторов, обуславливающих их общественную природу. Поэтому исследование словосочетания не ограничивается только собственно лингвистическими категориями (просодическими, морфологическими, синтагматическими).

Вследствие многоплановости изучаемого объекта невозможным становится однозначное решение вопроса о принадлежности словосочетания к той или иной категории. Необходимо постоянно учитывать принцип градации (*gradience*), согласно которому степень выраженности той или иной категории устанавливается по линии большего/меньшего проявления соответствующих основных свойств, а также максимальной/минимальной их реализации.

При обучении иностранному языку особенно важным становится анализ категорий коннотативности и клишированности, поскольку так называемые «авторские обороты», а также высказывания, отмеченные ярко выраженной экспрессивностью, не могут быть прямо использованы говорящим

(пишущим) в естественных ситуациях повседневного речеупотребления. То же относится и к стилистически окрашенным идиомам, введение которых в текст, основанный на функции сообщения, т.е. имеющий целью передачу определенного объема интеллективной информации, неизбежно приводит к созданию стилистического эффекта. Поэтому при анализе языкового материала необходим филологический подход, согласно которому во внимание должен приниматься широкий ситуативный контекст, особенно в тех случаях, когда речь идет о сложных словосочетаниях на метасемиотическом уровне.

Список использованной литературы

1. Адмони В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. – ВЯ, 2008, № 1, с. 111-117.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М., 2004, 105 с.
3. Адмони В.Г. Размер предложения и словосочетания как явление синтаксического строя. – ВЯ, 1966, № 4, с. 111-119.
4. Алёхина А. И. Идиоматика современного английского языка. Минск: Высшая школа, 2012. – 279 с.
5. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963, 207с.
6. Амосова Н.Н. Английская контекстология. Л., 1968, 104с.
7. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В. Лексикология английского языка. М., 1999. – 265с.
8. Аракин В.Д. История английского языка. – М., 2001. – 310с.
9. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 384с.
10. Ахманова О.С. Словосочетание. Вопросы грамматического строя. М., 2005. С. 452-461.
11. Ахманова О.С., Микаэлян Г.Б. Современные синтаксические теории. М., 2003. 165с.
12. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М., 2003. – 245с.
13. Бархударов Л.С. Семантика связочных глаголов в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1951. 15 с.
14. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 2006. 199 с.
15. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1965, с. 434-450.
16. Битнер И.А. Аналитические конструкции глагольно-глагольного типа в лексике современного английского языка: Дис... канд. филол. наук. – Новосибирск: 2004. – 160с.

17. Блиндус Е.С. Атрибутивные словосочетания с герундием – господствующим членом в английском языке.: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М.: 2003. – 24с.
18. Бронникова С.Н. Герундиальные сочетания в современном английском языке.: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М.: 2003. – 24с.
19. Бугорская Н.В. Язык науки и проблемы теории языка: синхрония и диахрония // Актуальные проблемы современной германистики. – Новосибирск, 2004. – С. 55-59.
20. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. – Л.: ЛГУ, 1975. – 210с.
21. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. – М.: Просвящение, 1984. – 44с.
22. Вандриес Ж. Язык. М., 2007. 410 с.
23. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. – ВЯ, 2003, № 5, с. 3-29.
24. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания. – ВЯ, 1954. № 3, С. 3-24.
25. Вострикова Л.И. Структура группы связочного глагола в современном английском языке. Автореф. канд. дис. СПб., 2010, 24 с.
26. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 2009. 485с.
27. Годер Н.М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. Логико-грамматические очерки. М., 2011, С. 49-59.
28. Добрушина Н.Р. Исследование средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания. – М., 2000. №1. – С. 135-140.
29. Дундукова Ю.Б. Абсолютная конструкция с предлогом with в современном английском языке.: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2004. – 24с.

30. Егоров А.П. Структурно- семантическая организация и функционирование именных групп в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М.: 2006. – 26с.
31. Есперсен О. Философия грамматики. М., 2008. 404 с.
32. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. М., 2006. 350 с.
33. Жирмунский В.М. О границах слова. Морфологическая. структура слова в языках различных типов. М., 2003, С. 6-33.
34. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях. Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 2005, С. 5-58.
35. Заметалина М.Н. К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии // Филологические науки. – М., 2002. – №5. – С. 89-93.
36. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. Москва, 2008. 336 с.
37. Иванова И.П. О принципах анализа сложного слова в современном английском языке // Исследования по английской филологии, СПб., 2005, с. 5-9.
38. Иванчикова Е.А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. – ВЯ, 2005, № 5, с. 84-95.
39. Ильиш Б.А. Значение предлогов в современном английском языке. Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. т. 157, с. 3-13.
40. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. М. –Л., 1965. 378 с.
41. Иорданская Л. Н. Два оператора для обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа). М., 2011. 33 с.
42. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. СПб., 2002. 216с.
43. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 2009. 192 с.

44. Крицберг Р.Я. О некоторых особенностях узуса языковых единиц в американском и британском вариантах английского языка // Иностранные языки в школе. – М., 2002. – №3. – С. 67-71.
45. Кунин А.В. Английская фразеология. – М.: Высшая школа, 2000. – 344с.
46. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М.: МО, 2002. – 288 с.
47. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова. – ВЯ, 1955, № 3, с. 73-81.
48. Мещанинов И. И. Синтаксические группы. – ВЯ, 1958, № 3, с. 24-38.
49. Мещанинов И. И. Структура предложения. М. –Л., 1963. 104 с.
50. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968. 230 с.
51. Новиков А.Л. О контекстуальном смысле слова // Филологические науки. – М., 2002. – №5. – С. 82-89
52. Перельгут Н.М. К проблеме становления нормы английского языка // Иностранные языки в школе. – М., 2002. – №3. – С. 32-66, 71
53. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 2010. 431 с.
54. Руберт И.Б., Генидзе Н.К. Аналитическая тенденция в языковой эволюции // Филологические науки. – М., 2003. – №1. – С. 54-63
55. Сапожников О.С. К семантической систематизации коннотативных значений // Филологические науки. – М., 2003. – №2. – С. 60-70
56. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. – М., 2002. – №6. – С.12-26
57. Сепир Э. Язык. М., 1934. 122 с.
58. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957. 286 с.
59. Смирницкий Л. И. Морфологии английского языка. М., 1959. 440 с.
60. Соссюр Фердинанд, де. Курс общей лингвистики. М., 1933. 272 с.
61. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
62. Степанов Ю.С. Функции и глубинное // Вопросы языкознания. – М., 2002. – №5. – С. 3-18

63. Татевосов С.Г. Теория функциональной грамматики: Качественность // Вопросы языкознания. – М., 2000. – С. 142-148
64. Тер-Минасова С.Г., Гвишиани Н.Б. Можно ли опровергнуть учение о словосочетании? // Филологические науки. – М., 2007. – №2. – С.12-28
65. Титкова О.И. О перспективах лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона // Филологические науки. – М., 2003. – №2. – С. 70-86
66. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды в 2-х т., т. I. М., 1956. 450с.; т. II. М., 1957. 471 с.
67. Холодович А.А. Опыт теории подклассов слов. – ВЯ, 1960, № 1, с. 32-44.
68. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. – М., 2002. – №5. – С. 38-56
69. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963. 216 с.
70. Ярцева В.Н. Пути развития словосочетания (на материале английского языка). – Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1952, № 156. Сер. филол. наук, вып. 15(1), с. 28-42.
71. Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание. – В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 436-452.
72. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М.-Л., 1960. 194 с. 4
73. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М. –Л., 1961. 308 с.
74. Ярцева В.Н. О взаимосвязи синтаксических отношений. – В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского. М. –Л., 1964, с. 26-34.
75. Ярцева В.Н. Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка. – В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 5-57.

76. Ярцева В. Н. Пределы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации. – В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 163-178.
77. Bolinger Dw. L. Binominals and pitch accent. – *Studia Gratulatoria dedicated to Albert Willem de Groot*. Amsterdam, 1962, p. 34-44.
78. Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, 1965. 251 p.
79. Chomsky N. Current issues in linguistic theory. – In: *The Structure of Language. Readings in the Philosophy of Language*. New Jersey, 1965, p. 50-118.
80. Chomsky N. A transformational approach to syntax. – *Ibid.*, p. 211 - 245.
81. Chomsky N. A review of B. F. Skinner's verbal behaviour. – *Ibid.*, p. 547-578.
82. Fillmore Ch. J. Indirect object constructions in English and the ordering of transformations. L., 1965. 54 p.
83. Fowler W.C. *English grammar*. L., 1857. 754 p.
84. Francis W.N. *The English language*. L., 1967. 273 p.
85. Fries Ch.C. *American English grammar*, [s. 1.], 1940. 313 p.
86. Fries Ch. C. *The structure of English*. N. Y., 1952. 304 p.
87. Gardiner A. *The theory of speech and language*. Oxford, 1932. 332 p.
88. Garvin P.L. A study of inductive method in syntax. – «Word», 1962r vol. 18, No 1-2, Aug., p. 107-120.
89. Gleason H.A., Jr. *Linguistics and English grammar*. N. Y., 1965. 519 p.
90. Harris Z. C. *Methods in structural linguistics*. Chicago, 1951. 384 p.
91. Hathaway B. *A transformational syntax. The grammar of modern American English*. N. Y., 1967. 315 p.
92. Hockett Ch.F. *A course in modern linguistics*. N. Y., 1958. 621 p.
93. Kruisinga E.A *handbook of present-day. English*. Pt. II. English accidence and syntax. I. Groningen, 1931. 506 p.
94. Langendoen E. Terence. *The study of syntax*, [s. I], 1969. 174 p. Long R. *The sentence and its parts*, [s. 1.], 1962. 528 p.

95. Morell J.D. A grammar of the English language. L., 1867. 124 p.
96. Nida E.A. A synopsis of English syntax, 1966. 174 p.
97. Postal P. Constituent structure, 1964. 122 p.
98. Roberts P. Understanding English. N. Y., 1958. 508 p.
99. Scheurweghs C. Present-day English syntax, 1959. 434 p.
100. Strang Barbara M.H. Modern English structure. N. Y., 1965. 201 p.
101. Sweet H.A new English grammar, logical and historical. Pt. I. Oxford, 1891. 499 p.; Pt. II. Oxford, 1898. 137 p.

Словари

102. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Fourth Edition. L., 1956. 1536 p.
103. Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. L., 1958. 1527 p.

Тексты

104. Abrahams P. The Path of Thunder. – The Path of Thunder. – London: Penguin, 2007. – 312p.
105. Christie A. Towards Zero. – London: Faber and Faber, 2009. -296p.
106. Durrell, Gerald. The Whispering Land. – London: Penguin, 2007. – 348p.
107. Salinger J. The Catcher in the Rye. – New York: Panther, 2006. – 354p.

Веб-сайты

108. <http://www.fortune.st.uz>
109. <http://www.yandex.ru>
110. <http://terme.ru/dictionary/189/word>
111. <http://www.gramota.ru>
112. <http://www.owl.ru/librariy/oozt.html>